

Михаил Юрьевич Тырин

Истукан (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184682
Михаил Тырин. Истукан (сборник): Эксмо; Москва;
ISBN 5-04-007647-9

Аннотация

Петр Алексеевич Жбанков был купец оборотистый, и потому однажды тесно ему стало в родном городе, и он задумался о расширении дела. Мыслил он масштабно, потому и не разменивался на всякие там корабли парусные для торговли с разными Голландиями, а решил построить снаряд гигантский для полета аж на самую Луну. Выписал из столицы ученого инженера Меринова, чтоб советы умные давал, вместо пилотов заморских взял трех мужиков посмекалистей да приказчика Гаврюху, построил снаряд свой хитрый, загрузил его товарамиразнообразными и полетел. А уж что с ним дальше приключилось, про то в книжке читайте... Произведения Михаила Тырина, вошедшие в этот сборник, совершенно не похожи друг на друга по своей тематике, но есть в них и нечто общее – это увлекательный фантастический сюжет и несомненный талант их создателя.

Содержание

ИСТУКАН	4
ОТПУСТИ ЗВЕРЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Тырин

Истукан (сборник)

ИСТУКАН

– Хлопоты-хлопоты...

Петр Алексеевич Жбанков отошел от окна кабинета и сел за стол.

– Хлопоты, – повторил он, но в голосе его, несомненно, прозвучало умиротворение.

Помещик Дрожин, находившийся здесь же, только усмехнулся, колыхнув животиком.

– Убей меня, Петр Алексеевич, не пойму я тебя, – сказал он. – На что оно тебе надо?

Сдались тебе эти планеты, скажи, пожалуйста! Разве тебе мало домашних забот?

– Да как сказать...

– А нечего и говорить! – убежденно заявил помещик. – Товар к тебе со всего света идет, и чего только нет! Фарфор, шелка, лес корабельный даже! Денег – куры не клюют, так небось? И чего тебя на старости лет дурь проняла?

– Да что ты понимаешь... – нахмурился купец Жбанков. – Коль богатеешь – надо расширяться, и весь сказ.

– Да зачем? Или у тебя хлеб на столе не каждый день?

– Я и говорю, не понимаешь, – махнул рукой купец. – Не в хлебе едином суть. Денежки – они работать должны, а не в чулке пылиться. Иначе не купец я буду, а скряга старый.

– Ну, хорошо. Ну, допускаю, деньги должны работать. Ну и пусть себе здесь работают. Снаряди хотя бы корабли – хоть в Голландию, а хоть и по всем Европам сразу. Торговых путей в наш век – тьма-тьмущая. Да вот нет, сдалась тебе эта Луна!

– Не Луна, – с досадой мотнул головой Жбанков. – Не Луна – планеты.

– Ну, планеты. Они небось еще и подальше Луны будут.

– Да уж конечно. – Петр Алексеевич был раздосадован, что старый приятель не желает его понять и поднимает всю задуму на смех. Он снова вскочил к окну: – Да ты погляди, погляди!

– Я уж глядел, – сказал Дрожин, но все же нехотя поднялся, отставив рюмку с наливкой.

– Гляди в окно, говорю, – воскликнул Жбанков, и глаза его в этот момент загорелись. – Такое строительство, что весь свет собрался. Мужиков по деревням собирал, инженеров с разных городов выписывал. Большое таки дело делаем!

– Вот и шмякнешься ты с Луны прямо со своим большим делом, – снисходительно хмыкнул помещик, глядя сквозь прозрачное, чисто вымытое служанкой стекло.

Петр Алексеевич не врал: дело под окнами происходило и впрямь великое. Сотни работников, лошадей, повозок окружали исполинскую трубу из не крашенного еще железа, положенную вдоль хозяйского двора. Над двором поднимались дымы, метались искры, разносились голоса работающих. На дальнем конце, возле ямы с водой бабы толкли в чанах селитру с углем. Мальчишки, точно обезьяны, облепили забор, наблюдая невиданные приготовления.

– Устроил цирк для всего города, – пробормотал помещик, неохотно соглашаясь, что перед его глазами имеет место быть поистине великое событие, которое сам он никогда бы не поднял. – Неужто сам на такой-то страсти полетишь?

В дверь постучались, а затем в кабинет вошел, прижимая мятую фуражку в животу, инженер Меринов. Он был худой, желтолицый и весь какой-то сам в себе.

– Заходи, Капитон Сергеевич, – добродушно пригласил Жбанков. – Что ты у дверей жмешься, как кучер на балу?

– Это... – сипло проговорил Меринов и закашлял. – Сто двадцать рублей бы надо.

– Зачем? – насторожился купец.

– Это... – Инженер покряхтел, поправил на носу проволочную оправу. – Стекла двойные ставить надо. Иначе никак.

– Да зачем двойные, ежели они и так толстые?! – возмущенно воскликнул Петр Алексеевич. – Ты, брат, по миру меняпустишь со своими придумками.

Инженер достал желтый платок, высморкался, отчего в голове его что-то хрустнуло.

– Это... Двойные бы надо. Чтоб крепче.

– Ну что с ним делать? – всплеснул руками Жбанков, обращаясь к помещику. – То одно ему, то другое, то пятьдесят рублей, то сто, то двести.

– Ему виднее, пожалуй, – заметил Дрожин, пожимая плечами.

– Безопасность, – тихо пробормотал Меринов.

– Безопасность! – передразнил его купец. – Я и сам знаю про безопасность. Ты мне лучше вот что скажи. – Он покопался в столе и достал порядком истрепанный номер «Ведомостей» за прошлый год. – Вот, слушай. «Готовить снаряд для путешествия к Луне и иным планетам следует таким образом. Взять три бочки, составить их одну над другой, скрепить болтами или скобами. В первую бочку уложить динамиту и всякого прочего пороху, чтоб было чем лететь от Земли. Во второй следует хранить пищевые запасы и багаж, необходимый в дороге. В третьей бочке должен располагаться сам путешествующий. Велите, чтоб горничная поместила туда старых перин и одеял, чтоб смягчить неизбежную при полете тряску и прочие неудобства». Все! – купец отодвинул газету, хлопнув по ней ладонью. – Все, понимаешь? Три бочки да порох с динамитом. А ты мне: стекла, трубочки, кнопочки, краники... Приборов каких-то из Германии выписал...

– Из Германии – только двигатель, – тихо сказал инженер, промокая ноздри платком. – Приборы – английские. А газета эта ваша... Пусть бы тот, кто ее написал, сам в таких бочках и летел.

– Дюже ты грамотный, Капитон Сергеевич. – Жбанков сокрушенно вздохнул, глядя в сторону. – Ладно, что с тобой делать... Иди к хозяйке, возьми у ней денег. Скажешь, я велел дать. Смею надеяться, других непредвиденных расходов ждать не придется?

Инженер, который уже повернулся к двери, вновь обратил свой взор на купца.

– Это... – сказал он, и Жбанков чуть побледнел, выпучив глаза. – Железные полосы, что мы заказывали, на двадцать копеек больше вышли за пуд. И еще... это... Рублей бы, так сказать, пятьсот, чтоб такую штуку приладить... Эдакую, знаете, люльку. Если какая авария случится или воздух из снаряда выйдет, вы на той люльке дальше полетите. Безопасность, одним словом...

– Пятьсо-о-от?! – воскликнул Петр Алексеевич, продолжая таращить глаза. – Да какая ж такая безопасность, что пятьсот рублей может стоить?

– Надо бы сделать, одним словом, – заключил Меринов и надел фуражку, намереваясь уходить.

– Иди-иди, – с досадой махнул рукой купец и покачал головой. – Эх, хлопоты...

Тут он заметил, что помещик смотрит на него как бы с некоторым испугом.

– Ты-то чего переживаешь, Дрожин? – кисло проговорил он. – Дай я тебе наливочки еще добавлю.

– Слышь, Петр Алексеевич, – проговорил Дрожин, тиская в руках свою рюмку, – не летал бы ты сам, а? Пошли лучше приказчика.

– Да что с тобой?

– Видишь, чего человек говорит? И воздух выйти может, и авария, и стекла тонкие... Не летал бы ты!

– Да ну тебя, право. Нашел, что бояться. Летают же другие – и ничего.

– Не летай, – гнул свое помещик.

– Отстань, говорю. Сказать по совести, я бы и не полетел, но... – Жбанков сел, мечтательно уставившись в потолок. – Хочу, знаешь, поглядеть, чего там.

– Эхма! Нашел чего на старости лет захотеть!

– А чего, по-твоему, я хотеть должен? Вроде все при мне уже есть. И дело, и дом свой, и сыновья взрослые... И авторитет. Теперь – что, теперь надо мир увидеть. Ну, опять же не без пользы для дела. Заодно и торговлю приподнять.

– Э-эх... – махнул рукой Дрожин. – Мир повидать. Эка невидаль! Я вот, когда в полку еще служил, где только не был. И что?

– А то! Ты зря не думай, я на тебя смотрю и замечаю. Тебя что ни спроси – все ты знаешь, что ни скажи – на все у тебя каламбур готов. А откуда оно взялось? Разве ты в своем поместье полную голову историй набрал? Нет, в полку и набрал.

– Да чего там...

– Ты давай не скромничай! Припомни, как у Агаповых про крокодилов сказывал. Все вокруг тебя только и крутились. А у исправника на приеме, помнишь? Только тебя и слушали, как ты с арапами знался и на слонах за вином ездил.

Помещик хмыкнул, польщенный.

– Ну, положим, арапов ты и здесь посмотреть можешь, – изрек он.

– Эвон! – рассмеялся в ответ Жбанков. – Где ж я на них полюбуюсь? Разве мужиков своих сажей напачкать?

– Да ты не ухмыляйся, а, будь добр, доберись до Петербурга. Да погуляй вдоль заграничных ведомств. Там арапы, почитай, каждый час проходят. Смешно сказать: важные, как гуси, а такие чернющие!..

– Ну, уж за этим я в Петербург не поеду. Что я, школяр какой, за басурманами бегать, свистать?

– Дело твое, брат. Подбавь-ка наливочки. А все одно, не летал бы ты сам.

– Сказано, решено.

– А вот посуди: захотелось тебе в дороге, положим, щей похлебать. Как быть?

– Как... Сварить – и все дела.

– Сам варить будешь? Или кухарку с собой возьмешь?

– Ну... Из мужиков хоть один кашеварить сможет, я так думаю.

– Пусть так. А на чем он тебе их варить будет?

– Известное дело: щи завсегда на огне готовили.

– На огне? – Дрожин победно щелкнул пальцами. – Стало быть, и дрова с собойхватишь? А сколько? Вязанку, две или воз? А куда товар складать станешь?

Петр Алексеевич растерянно моргнул, будучи совсем загнан в тупик таким разговором. Но затем лишь отмахнулся:

– Ну тебя, Дрожин. Мне по торговле соображать надо. А про щи и дрова у меня инженер все знает. Летают же люди и с голоду не мрут.

– Эх, Петр Алексеевич... – вздохнул Дрожин, только головой покачав.

– А в «Ведомостях» сказано, окороков с собой брать и рыбы вяленой, – продолжал оправдываться купец.

Дрожин встал, оправил сюртук.

– Хороша у тебя наливочка, Петр Алексеевич, но пора и честь знать.

– Да посиди, – кисло проговорил Жбанков.

– Покорно благодарствую. Однако опасаясь, без меня в усадьбе мужики вишню пересушат. Вишню я сушу, – пояснил он. – Повезу на продажу. Вишня хорошая в этом году. Не пожелаешь у меня купить?

– А... – махнул рукой купец, – до того ли мне сейчас?

– Как знаешь, Петр Алексеевич. Бывай, значит.

* * *

Последние приготовления завершились раньше чем через месяц. Не откладывая дела в долгий ящик, Жбанков велел инженеру готовить снаряжение в дорогу немедленно. Вот тут и состоялся у них один своеобразный разговорчик.

– Это... – проговорил инженер и зашелся гулким кашлем.

– Ну? – невозмутимо отвечал купец.

– Я говорю, на неделе уже отчаливать будете, а с кем лететь собрались?

– А тебе что за дело?

– Ничего, просто надобно знать.

– Ну, положим, Гаврюху беру – приказчика. Мужиков возьму человек пять, в помощники.

– Мужиков... – Меринов тяжело сглотнул. – Должно быть, шибко смекалистые у вас мужики, ежели хотят снаряжение от земли поднять и к планетам направить.

– Не пойму я, о чем это ты?

– О том говорю, что снаряжение – не упряжка. Его вожжами не постебаешь. Кто, спрашиваю, этой машиной рулить будет?

Купец при этих словах сел как подкошенный. О главном он и не подумал. В самом деле, следовало брать с собой хоть одного ученого человека, чтоб тот смог найти дорогу и разобраться во всех трубочках и гаечках, что накрутил в огромном количестве инженер Меринов.

– Вот те на... – только и сказал Петр Алексеевич. – И что ты сам на такой счет мыслишь?

– Тут и мыслить нечего, – беспечно ответил инженер. – Требуется пилотов выписывать.

– А, ну так выпишем, – с облегчением рассмеялся Жбанков, радуясь, что вопрос разрешается столь просто.

– Из Англии... – нерешительно добавил Меринов. – Я говорю, надо бы пилотов из Англии.

– Ну, можно и из Англии, – осторожно согласился Жбанков. – А что, непременно оттуда?

– Как есть, непременно. Поскольку снаряжение по заграничным приборам полетит, то и...

– Ну... ладно, раз такое дело.

– Можно из Германии, – поспешно уточнил Меринов. – Но из Англии дешевле.

– И намного?

– Может, копеек на десять.

– Ну, невелика разница, – усмехнулся купец.

– Как сказать... Ежели пилотов трое будет – а меньше и невозможно, – то в час на них уже и целых тридцать копеек выйдет. День да ночь – двадцать четыре часа, сами изволите помножить. А лететь вам...

– Постой-постой! – выпучил глаза Жбанков. – Ты говоришь, десять копеек в час? В ЧАС?!!

– Да не десять... По полтора рублика в час нынче англичане просят. А немцы – те и поболее.

– Полтора рубля в час! – пролепетал побледневший купец. – Да как же... Помилуй, Капитон Сергеевич!

– А вы что ж думали? – добродушно усмехнулся инженер и полез за носовым платком.

– Я думал... Ну, может, в день копеек шестьдесят, – растерянно проговорил Петр Алексеевич.

– За шестьдесят копеек извозчика ломового извольте нанимать. Да и тот по нашим временам работать не согласится. А тут – английские пилоты. – Инженер с важностью поднял палец.

– Поди, братец, – торопливо попросил Жбанков, махнув рукой. – Поди на двор. Мне посидеть надо, покумекать.

Когда инженер вышел, Жбанков вскочил и начал возбужденно кружить по кабинету. Известие о заграничных пилотах его поразило. Весь его прожект валился навзничь, как подрубленный. Никаких торговых барышей не хватит, чтоб умерить непомерный аппетит англичан. Однако снаряд уже почти построен и весь город наслышан, что купец Жбанков полетит к планетам. Отменить – потерять и деньги, и уважение. Всякий скажет: «Э-э-э, Жбанков... Что за кисель, а не мужик – весь уезд взбаламутил, деньги потратил, а затем и опростался». Нет, так нельзя. А как тогда?

Петр Алексеевич подошел к окну и посмотрел на гигантский корпус, протянувшийся от колодца до самых конюшен. Он был уже покрашен, и теперь работники выводили на боку большими затейливыми буквами: «Князь Серебряный». Так купец решил окрестить свой летающий транспорт. Жбанков не желал допустить, что такое грандиозное дело пойдет насмарку. Но и платить непомерные деньги иностранцам не собирался.

Через пару минут он завидел внизу рыжие вихры своего приказчика Гаврюхи и немедленно позвал его к себе. Гаврюха – очень молодой, но честный и смекалистый парнишка – быстро поднялся и замер перед купцом в вежливом поклоне.

– Ну, вот что, Гаврюша. Ступай-ка безотлагательно в депо и найди мне троих мужиков, чтоб лететь со мной к планетам. Они хоть не пилоты и не англичане, а все ж к технике касание имеют. Скажи, я обещал по сорок копеек в день платить. Ежели не захотят – сули по пятьдесят. А совсем худо будет – была не была, – рупь в день и процент с торговли, кто помогать станет.

Гаврюха кивнул и выскочил за дверь. Он в отличие от инженера Меринова никогда не спорил и всегда выполнял желания господина беспрекословно.

К вечеру он вернулся с хорошими новостями: троих мужиков нашел, и те согласились лететь за пятьдесят копеек. Гаврюха не стал, правда, уведомлять барина, что мужики показались ему какими-то потерянными и не от мира сего. Иного и ждать не следовало – на подобное безумство согласились те, кто уж и потерять в жизни ничего не мог.

– Завтра утром их ждите, придут, так сказать, для зрительного знакомства, – заключил приказчик, самодовольно улыбаясь. – Смею заверить, отбудете скорее в компании, нежели в одиночестве.

– Как так «отбудете»? – удивился купец. – В каком таком одиночестве? Да ведь ты со мной полетишь. Ты что, Гаврюша? Али я тебе не говорил?

Улыбка у Гаврюхи мигом съехала набекрень, а после этого и вовсе пропала. Он по привычке кивнул, правда, как-то деревянно, и, пятясь, выбрался из кабинета, едва не сбив притолоку.

– Ишь... – усмехнулся Петр Алексеевич.

В тот же вечер под впечатлением от такой новости Гаврюха напился пьяный и ходил по кабакам, говоря всем, что барин увозит его к планетам. Мужики его жалели, угощали вином и вздыхали, сокрушенно качая головами.

Однако наутро он опять был бодр, весел и услужлив. Гаврюха умел примерно слушать хозяина.

* * *

Как ни был далек день отбытия, а подкрался он быстро и неожиданно. Как-то казалось, что еще далеко, что есть еще время обдумать и подготовиться. Но нет. Проснувшись однажды утром, Жбанков сообразил, что сегодня, и ни днем позже, придется ему покидать дом.

Стоит ли говорить, что начальствовать над пилотами был поставлен инженер Меринов. Жбанкову даже не пришлось его упрашивать. Меринов не спорил, не отчаивался и даже не порадовался обещанным пятидесяти рублям. Будто чувствовал, что в этом деле до последней минуты без него не обойдутся.

Сами же «пилоты» на купца большого впечатления не произвели. Мужики как мужики. Один – Степан, бывший кузнец из деревни – большой, широкий, настоящий русский богатырь с бородой. Был он, правда, несколько сгорблен и вечно угрюм. Петр Алексеевич узнал загодя, что у Степана в деревне сгорела изба, а в ней – жена и двое малюток с бабкой. Тот подался от такой беды в город, но и тут не нашел себе утешения. Потому и согласился хоть к планетам, хоть к черту с рогами. Был еще дед Андрей. В его внешности заключалось что-то бестолковое. Вечно он прохаживался, посмеивался, крутил цибарки. Когда все вокруг работали, не мог найти себе дела, если только лбом его в это дело не ткнуть. Однако ж раньше состоял помощником у одного польского кондитера и научился от него кашеварить.

Про третьего мужика, едва лишь на него поглядев, Жбанков подумал: «Бес в нем сидит». Мужика звали Вавила, был он малого роста, с руками и ногами не то чтобы кривыми, но эдакими выгнутыми. Рыжие, чрезвычайно запутанные волосы сидели на нем, словно навозный шлепок, плотно облепливая неровности головы. Выпученные глаза вечно вращались и сверкали, как у зверя, который подыскивает себе закуску из числа окружающих. Похоже, был он человеком задиристым и имел норы крутой.

Как бы там ни было, иных «пилотов» Гаврюха найти не сподобился. А между тем пора было трогаться в дорогу.

Утром, подойдя к окну, Петр Алексеевич почувствовал необычное волнение. Он увидел свой снаряд, возвышавшийся на заречных лугах подобно колокольне. Туда переволокли его накануне на лошадях, причем пришлось делать изрядный крюк по городу: через Мясницкий переулочек напрямую груз не проходил по причине необычной своей длины, а Смоленская улица оказалась перегорожена упавшим два дня назад деревом. Убрать дерево городское начальство еще не успело, но приставило к нему жандарма для избежания нежелательных происшествий.

После девяти часов за речку потянулся народ. Все знали, что купец Жбанков собрался лететь, и всякий желал увидеть это своими глазами, чтобы потом рассказывать знакомым. Издали людишки, окружившие «Князя Серебряного», походили на копошащиеся точки, и всякую минуту их число росло, пополняясь от дорог-ручeyков. «Неужели все это я?» – обреченно подумал Петр Алексеевич, видя, как гудит встревоженный город.

В полдесятого заехал Меринов. Был он, как всегда, в своей шинели, носовой платок висел из кармана, и это неприятно задело купца. Ему показалось, что по столь серьезному поводу мог бы человек себя как-то по-другому одеть.

Возле снаряда, куда они подкатили на коляске, народу было как на ярмарке. Не хватало только каруселей и петрушек с дудками. Кроме стариков и мальчишек, можно было заметить и людей солидных, дворян, чиновников. Поговаривали, что даже градоначальник будет следить за отлетом самым внимательным образом из окна своего дома.

Не успел Жбанков соскочить с подножки, как к нему направился учитель по фамилии Семенюка, который очень почтительно поздоровался и затеял разговор:

– Осмелюсь спросить, а не будете ли вы в научных целях фотографии делать?

– Разберемся, – неопределенно ответил Меринов.

– Имею большое желание дать вам с собой в дорогу аппарат для съемки синематографических лент, – продолжал учитель, – но, к большому сожалению, не имею этого аппарата.

Жбанков ответил ему невнятным бормотанием, и учитель поспешил оправдаться:

– Я говорю, к сожалению, не имею такого аппарата. Очень хотелось бы вам его дать, если б был. Но, увы, нет его у меня. И не было никогда. А так – чего бы не дать. Если б был. К величайшему сожалению, не имел случая заполучить или приобрести. Не по карману, знаете ли. А то бы дал.

Жбанков был рад поскорее зайти в снаряд и запереться там. Он чувствовал себя неважно, его отчего-то мелко трясло, в груди то и дело начинал покалывать противный холодок. А сотни обращенных к нему взглядов делали самочувствие и вовсе невыносимым.

– Пойду проверю, все ли на месте, – пробормотал Меринов и оставил купца одного. Вслед за инженером последовал кучер, чтоб затащить в снаряд багаж. Купец посмотрел ему в спину и вдруг страшно огорчился, что какой-то простой мужик заходит вперед него.

Конечно, Петр Алексеевич был в снаряде и раньше, еще в процессе строительства. Внутреннюю обстановку и расположение комнат он нашел вполне удовлетворительной и даже начал прикидывать, где быть гостиной, где кухне, где людской. Однако инженер в тот раз прервал его. Он сказал, что здесь несколько иные требования и подходить с обычными мерками не следует.

Приблизился полицмейстер, помялся немного, не зная, с чего начать разговор.

– На пороже полетите? – поинтересовался он.

– На нем, – ответил купец чутьчку раздраженно, прибавив про себя: «Не на курином же помете».

– Я думал, может, на керосине, – сказал полицмейстер. – Пойду велю пожарную команду позвать. Как бы сено не загорелось.

Подходили еще люди, что-то спрашивали, участливо заглядывали в глаза. Жбанков видел их словно в тумане и отвечал часто невпопад. Однако смог почувствовать, что каждый мнется и жмется, будто пришел не провожать в добрый путь, а соболезновать. Это ему совсем не понравилось.

Появился инженер. Он коротко сморкнулся в свой желтый платок, затолкал его в карман и проговорил:

– Идемте уже, наверное?

«Идемте...» Словно звал к обеду похлебки откусать. Жбанков опять рассердился его неуместной будничности. Скучные слова, шинель да еще этот старый платок... Мог бы хоть платок к случаю новый взять или купить в галантерее.

В последний момент откуда-то выскочил помещик Дрожин.

– Петр Алексеевич, душа моя, думал уж, не успею! – воскликнул он, сжимая купца в объятиях. – Летел сюда, лошадей едва не загнал.

– Да что ты право! – рассердился Жбанков и оттолкнул помещика. – Чай не на войну провожаешь, а?

Тот ничуть не обиделся.

– Ты давай там... Смотри, чтоб аккуратно. А то, знаешь...

Дрожин, однако, был единственный, кто не конфузился и говорил в полный голос. Это дало купцу толику бодрости.

– Ты, Петр Алексеевич, как полетишь, то про себя думай, что я загадал для нас бутылочку наливки, своей, вишневой. Как вернешься – нарочно для тебя достану, и мы ее с тобой порешим. Верно?

Тут уж растроганный Жбанков сам приобнял его, задержался на миг, хлопая по плечу, а после перекрестился и шагнул в темный провал, зиявший на боку «Князя Серебряного». Тотчас Степан громко захлопнул за ним железную дверцу и накрепко закрутил запорное колесо.

В полутьме, хватаясь за холодные стенки, Жбанков прошел к своей кабине, где ему надлежало существовать до конца путешествия. Саквояж его был уже здесь.

– Ты, барин, сразу ложись на лавку и лежи там, пока не позовут, – сказал Степан хриплым басом. – А мы уж сами покочегарим...

Жбанков нащупал в полутьме широкую койку, обитую мягкими кожаными подушками, и завалился на нее вместе с сапогами. Пахло, как в кузнечной мастерской, а к тому же доносился звон и лязг, словно поблизости катали стальные болванки. Между ударами купец слышал какой-то визг, похожий на плач бездомного щеночка. Потом понял – за стеной скулит Гаврюха. Его тоже оставили одного в железной кабинке дожидаться непонятно чего.

А через минуту Петр Алексеевич перестал слышать и железный звон, и Гаврюхины стenanия, потому что в снаряде запалили порох.

Все задрожало. Послышалось сперва негромкое ворчанье, которое быстро переросло в такой рев, что казалось, сама Земля разлетается на куски. Снаряд уже не дрожал, а трясся всей своей громадой, а рев нарастал, крепчал и не мог остановиться. Жбанков вдруг почувствовал, что сейчас умрет. Грудь стало тяжело, словно на нее насыпали сажень земли, рев рвал уши, уже казалось, что это воют трубы Страшного суда и вопят черти, и Петр Алексеевич сам проклял себя, что законопатился в этой железной могиле и себе, и людям на погибель...

В этот момент ему представилось, как внизу разбегаются ребяташки, напуганные огнем и шумом, как крестятся бабки и разевают беззубые рты старики, роняя слюнявые свои цибарки, и друг его, помещик Дрожин, схватясь за сердце, смотрит на серую железную колокольню, которая изрыгает огонь и тяжело отрывается от ровного поля. Жбанков начал читать про себя: сначала Господу Иисусу, затем Святому Духу и Ангелу-Хранителю, после Животворящему Кресту. Не забыл и Мытаря, и Трисвятое, и даже Хвалебную песнь Богородице припомнил.

И тут шум стал утихать. А вместе с тем пришла легкость, очень какая-то странная... «Падаем!» – мелькнуло в голове.

– Падаем! – закричал купец в голос и забился на койке, словно в припадке.

– Полно кричать, барин, – раздался спокойный голос Степана. – Не падаем – летим.

Подумав немного, он с важностью поднял палец и прибавил:

– К планетам летим!

* * *

Все последующие дни Петр Алексеевич привыкал к разным особенностям своего нового положения. Большую часть времени он проводил в своей кабине, на койке. Особенно невыносимо стало на третий день, когда все вокруг принялось летать. Жбанков не стал этому удивляться, потому что читал что-то подобное в «Ведомостях», да и не хотел он удивляться, а был только раздосадован своим неуверенным самочувствием. К лежанке пришлось прикрепляться ремнями, поскольку от каждого шевеления купец подымался в воздух, и если бы кто-то из людей вошел и увидел это, то наверняка про себя бы подумал: «Солидный человек, а висит кверху пузом, что муха».

Гаврюха же, напротив, воспринял возможность полетов с поросычьим восторгом и порхал по коридору, смеясь и играясь. Правда, радость его продолжалась всего-то один день. Потом вернулась желанная тяжесть. Меринов пояснил, что это потому, что идет торможение.

В редкие свои вылазки из кабины Петр Алексеевич видел, как инженер сидит в большой общей зале, в массивном дубовом кресле, обделанном кожей. Перед ним стояла железная тумба с «глазками» и рычагами, за которые Меринов непрестанно дергал. Степан и Вавила были тут же и тоже дергали рычаги или крутили колеса, если приказывал инженер. А дед Андрей обычно проводил свободное от стряпни время под полом, где ползал, что-то подкручивая и подмазывая. Дело было, как понял купец, в общем, нехитрое, и совершенно незачем надеяться на каких-то англичан, когда и сами с усами.

Иногда он слышал, как Вавила ругается с дедом Андреем. Вавила обвинял его в плохой стряпне, говоря при этом, что «такой тухлятиной только глистов морить». Он говорил резко, едко, не произнося слова, а выплевывая их, кривя при этом страшные рожи. Дед всерьез обижался. Он называл Вавилу каторжником и рыжей образиной.

Наконец наступил день, когда Меринов объявил радостное известие.

– Скоро конец дороге, – сказал он. – Идите теперь, Петр Алексеевич, к себе и привяжитесь накрепко, а то будет такая карусель, что немудрено и бока обломать.

Тут он пригнулся и быстро-быстро заговорил непонятными для Жбанкова словами. Купец послушал его, ничегошеньки не понял и решил выяснить.

– Ты о чем это толкуешь? – удивленно спросил он. – Ни слова разобрать не могу.

Меринов растерянно оглянулся. Он полагал, что купец уже внял его совету и удалился в свои покои.

– С планетами говорю, – сказал он и пожал плечами, удивляясь такому нелепому, по его мнению, вопросу.

– Да как же с планетами? – рассмеялся Жбанков.

– Обычное дело, – ответил инженер, не видя причин для веселья. – Надо ж на тамошний вокзал сообщить, что прибываем.

– И они тебя могут слышать? – недоверчиво поинтересовался Петр Алексеевич.

– Так ведь это радио.

– Как ты сказал?

– Да радио! Вот, пожалуйста, я здесь говорю, а они меня там слышат.

Купец приблизился, оглядел деревянную коробку с дырками.

– И что же оно, это радио?

– Что?

– Хорошо, говорю, слышно?

– А послушайте, – Меринов повертел колесико, и Петр Алексеевич своими ушами смог уловить, как бормочут и переговариваются невидимые ему люди, причем слова попадались как знакомые, так и вовсе неизвестные.

– Хе! – Купец с довольной улыбкой погладил бороду. – Взаправду слышно. А что, я могу так и со старухой своей пообщаться?

– Ежели в доме есть радио, то можно и пообщаться, – пожал плечами инженер. – Есть радио-то? Нету, верно...

– А бог его знает, что там есть. Надо у Гаврюхи поинтересоваться. Пойду спрошу.

– Постойте, Петр Алексеевич. Не требуется ходить. – Меринов опять повертел колесо и сказал в деревянную коробку: – Скажи, Гаврила, есть у вас в хозяйстве радио?

– А на что оно нам надо? – донесся глухой, как из бочки, голос Гаврюхи. – У нас граммофон имеется.

– Гаврюха! – не смог сдержать восторга Жбанков. – Ты меня слышишь?

– Ну, слышу, – скучно проговорил приказчик.

– И я тебя слышу. Ну, дела!

Узнав, что в снаряде имеется радио, Жбанков приподнялся настроением. Все-таки лучше, если знаешь, что тебя могут услышать другие люди. Не так одиноко. Молодец, инженер, не зря деньги просил.

Опускание на планеты было и впрямь непростым. Грохоту и тряски поболее, чем при подъеме с заречных лугов. Однако купец про себя решил, что, видимо, дело это обычное, раз никто не пугается и не кричит «караул». Но здоровья ему это стоило. Пришлось все утро промаяться с головной болью, в то время как другие уже вышли из снаряда и поймали возможность обозреть окрестности. Сам купец, хоть и был любопытен, на улицу пока не спешил. Выглядывал только через стекла и видел громадного масштаба площадь, мощенную плитами, всю уставленную чужими снарядами, такими разными, что не было возможности найти хоть два похожих. Среди снарядов различалась долговязая фигура Меринова, который бродил, подметая плиты полами шинели, глядел на снаряды и помечал в блокноте.

Гаврюха оказался молодцом. Пока Жбанков с больной головой бока отлеживал, он уже разузнал, где тут есть ярмарка, и даже распорядился нанять подводы для доставления товара. К тому времени, как все устроилось, Петр Алексеевич нашел в себе достаточно сил выйти на воздух. Надо было с пристрастием оглядеть подводы и лично убедиться, насколько они хороши, крепки ли оси.

Вот тут-то и ждала его одна умопомрачительная картина. Первым делом Жбанков увидел лошадей. И в тот же самый момент ему захотелось броситься со всех ног наутек.

Лошади были мохнаты, что медведи, и рыла имели – крокодилы!

Потрясение у купца оказалось совсем нешуточным. Однако видя, что Гаврюха стоит совсем рядом от них и ничего не боится, Жбанков чуть осмелел и приблизился. Но не чрезмерно, ибо зубы животных выглядели кровожадно.

– Других-то лошадей не было? – спросил он у приказчика.

– Сказывали, эти самые лучшие, – беспечно ответил тот.

Купец еще раз рассмотрел их, обошел с разных сторон.

– Ну, хорошо, – успокоился он. – А где ж извозчики?

На эти слова одна лошадь повернула к нему свою зубастую пасть и заговорила:

– Эх ты, дура! На что тебе извозчики, когда мы и сами тебя свезем куда скажешь.

Купец открыл было рот, но быстренько взял себя в руки, закрыл его и некоторое время оставался задумчив.

Увидать разных диковин им всем пришлось еще немало. Первое время мужики только крестились да толкали друг дружку локтями: погляди, мол, вон какое чудо пошло. Затем попривыкли. Сразу смогли крепко поставить торговлю, а мужики-пилоты приняли в этом самое живое участие. Дед Андрей сам стоял в рядах и кричал, нахваливая товар, покупатель к нему шел. Степан подвозил и таскал тюки. Петру Алексеевичу оставалось только считать по вечерам выручку, а днем же он ходил по торговым местам, выяснял потребность в товаре, помечал на будущее.

Для инженера Меринова дело нашлось само: готовить снаряд к обратной дороге, хлопотать насчет припасов и пороху.

В общей жизни не принимал участия лишь Вавила. Он имел какой-то свой интерес, вечно выходил поутру со своим личным мешком, приходил поздно без мешка или с другим мешком. Жбанков наметанным глазом вмиг определил, что мужик ведет какую-то свою коммерцию. Раз его привел даже местный урядник, сказав, что, мол, вот ваш затеял в гостинных рядах скандал из-за цены, пришлось усмирять, а по нашей картотеке числится он бывшим каторжником. Но это ваши дела, и разбирайтесь с ним сами, а чтоб впредь никакого беспокойства он нам не причинял.

Жбанков не на шутку взволновался, узнав про Вавилу, что тот каторжник. Однако сильно ругать его не стал, поскольку предстоял еще обратный путь, а там кто знает, что этому взыблмошному в рыжую голову придет?

Были и иные нелюбопытные истории. Не раз Петр Алексеевич имел возможность узнать, что и здесь встречаются разного рода проходимцы и жулики. Как-то, например, возле него стал крутиться какой-то хлыщ. Ноги у него были куриные, и лицом он смахивал на некое птичье отродье, но на то купец уже перестал удивляться. Хлыщ этот ходил, ходил, а потом и говорит:

– Давай я тебе, мил человек, продам счетно-арифметическую машину.

Хотел Петр Алексеевич его сразу отвадить, но по купеческой привычке любое предложение любил сперва солидно обсудить.

– На что она мне? – говорит.

– Будешь на ней считать, – отвечает незнакомец. – Хотя бы и деньги. Сколько будет, например, квадратный корень из шестисот сорока семи, помноженный на девятьсот двадцать один?

– Ну, сколько?

– Один момент! С точностью до копеечки.

Хлыщ потыкал пальцами в свою машину, потом удивленно произнес:

– Семнадцать тыщ, однако, с лишним.

Жбанков кое-что в уме прикинул, затем покачал головой:

– Нет. Должно быть больше. Тыщ на пять-шесть больше должно выйти.

– Один момент! – извинительно пробормотал незнакомец и хотел снова считать, но Жбанков его уже остановил.

– Не надо, – говорит. – Если б она деньги сама зарабатывала, тогда другой разговор. А считать мы их головой не поленимся.

Две недели пролетели скоро. К тому времени товар был почти продан, нужные сведения собраны. Петр Алексеевич в один из последних дней имел полезный разговор с чиновником из местной торговой палаты.

– Больше всего удивляюсь, – говорил купец, – что такие открываются возможности здесь для торговых людей, такой непочатый край. А вот поди ж ты, никто к вам из наших краев не летает.

– Ну почему ж никто? – солидно возразил чиновник. – Разные там графья-князья частенько навешиваются посмотреть достопримечательности, купить сувениров.

– То-то и оно, что графья-князья. А наш брат купец вроде и боится к вам, а может, сомневается. А ведь ежели с умом начать, то очень даже просто свое прибыльное дело открыть.

Чиновник потчевал Жбанкова своею особой настойкой, которая хоть и чуть горчила, но в общем была на совесть выделана.

– Если имеются средства, можно и дела делать, – отвечал он. – Не грех об этом и поразмыслить по-хорошему. Поставить у вас большой вокзал, контору, склады, таможеню. Вот и будет еще один торговый путь. А вы вот что: время не тратьте, а напишите путевые заметки и поместите в какой-нибудь журнал. Есть у вас журнал?

– Есть газета, «Ведомости».

– Ну вот! Люди прочитают – глядишь, и потянутся. Один у нас винокурню откроет, другой – лавочку, третий – свечной заводик. И вам прибыль, и нам польза.

Чиновник был похож на большого таракана, однако имел любезные манеры и потому нравился Жбанкову даже со своими непомерными усами, крылышками и глазами-сеточками.

Короче говоря, настроение у Петра Алексеевича было благодушное и мечтательное. Экспедиция хоть и не принесла ему великих барышей, но и в убытке не оставила. Нашлась

даже возможность вознаградить Степана с дедом Андреем за помощь по торговле, Гаврюха с инженером тоже без премии не остались. Меринов в тот же день, как монету получил, ушел и воротился с целой торбой разных книжек, а потом шелестел ими целую ночь. Не забыл Жбанков и о своем семействе. Долго думал, каких им гостинцев выбрать, потом махнул рукой и купил супруге красивый платок с восьминогами, а сыновьям – по шелковой рубашке.

В последний вечер сидел он с Гаврюхой в гостинице и диктовал ему в журнал:

– ...Пиши дальше. Сушеная рыба – продано пять пудов, один пуд отдан по дешевке перекупщикам. Пенька – продано восемь бухт. Холсты – пятьсот аршин, почти все сбыто. Написал? Пиши еще – гвозди и ско-бы проданы мало, и впредь их с собой не брать. Шкурки бобровые – сто двадцать штук, проданы до единой. Что еще? Ах да! Посуда – фарфоровые чаши проданы все, глиняные же горшки, напротив, никто не берет. Табак – вовсе не продан. Написал? Пиши теперь примечание: насчет табаку – приползал змей о двух головах, взял табаку всего фунт, да и тот на следующий день принес обратно. При этом сказал: что ж вы, подлецы, мне продали, его и жрать совсем невозможно. Написал? Та-а-ак...

Петр Алексеевич задумался, писать ли про деготь. Второго дня, когда Степан перекладывал тюки на подводы, прямо к «Князю Серебряному» подкатился безлошадный экипаж, весь ржавый и в грязи. В стенке его приоткрылась дверочка, из нее выдвинулась железная оглобля с круглой табакеркой на конце. У той табакерки отскочила крышка, а внутри оказался маленький комочек, весь красный, в прожилках. Комочек сначала вздыхал-вздыхал, потом спросил, нет ли дегтю. Степан, даром что простой мужик, сразу сообразил, что у инженера два бочонка было, из которых он свои колеса и пружины смазывал. Один бочонок он и продал красному комочку, и по очень даже баснословной цене.

– Ладно, пиши, – промолвил Жбанков, и тут в номер явился неожиданный гость. Был он очень франтоватый, хотя из одежды имел только старушечьи чулки и халат без пуговиц.

– Имею честь разузнать, не вы ли из Петербурга? – изрек он, покачиваясь на длинных худосочных ножках.

– Не из Петербурга, – настороженно ответил купец, – но, в общем, из тех же краев.

Он попытался заглянуть гостю в глаза, чтоб узнать, что у того на душе, но не смог: глаза у чужака были там, где у порядочного человека положено быть ушам, и крутились они в совершенно разные стороны.

– Славно, славно, – оживился гость. – А не ваш ли транспорт поутру отбывает?

– Ну... наш, а что тебе надо, мил человек?

– Позвольте разузнать, – франт очень изящно и премило развел ручками, а на макушке у него приподнялся розовый гребешок, – не имеете ли возможности взять пассажира?

– Тебя? – деловито спросил Гаврюха.

– О нет, нет, речь совсем не обо мне! – залопотал чужак, потешно махая ручками. – Я полномочный поверенный одной персоны, которая и желает быть вашим пассажиром.

– А на что нам сдался твой пассажир? – хмуро спросил Жбанков. Ему не очень нравилось поведение незнакомца. Таких господ, которые умеют ручками махать да в салонах по-французски читать, знал он предостаточно и не доверял им ни на грош.

– Материальная сторона вас, надеюсь, заинтересует?

– Чего?

– Я имею сказать, что все будет с нашей стороны оплачено самым щедрым образом.

Петр Алексеевич сунул руки за пояс и неторопливо подошел к франту почти вплотную.

– Ты откуда взялся-то? Кто тебе на нас указал?

– Очень просто, все очень просто! – зачастил чужеземец, видя, что хозяева обеспокоены. – Начальник вокзала дал понять, что вот этот транспорт, «Князь Серебряный», утром же направляется в Петербург.

Жбанков хмыкнул, не зная, что сказать.

– Если речь пойдет о стоимости... – начал гость, но тут снова вмешался приказчик.

– Подожди, дядя, о стоимости. Прежде скажи, какой монетой платить будешь?

Петр Алексеевич в очередной раз порадовался сообразительности своего приказчика. В самом деле, если этот хохлатый будет совать сейчас свои тугрики, то до завтра их негде будет поменять.

Поверенный озорно улыбнулся, показав раздвоенный, как у змеи, язычок.

– Зо-ло-том! – торжественно проговорил он и от радости быстро-быстро замахал ручками, подняв сквозняк.

Жбанков и Гаврюха удивленно переглянулись.

– Ну-у-у... – с уважением протянул купец. – Пожалуй, теперь поговорим и о стоимости.

* * *

Наутро вся команда с нетерпением ждала появления пассажира. Поверенный разогрел общий интерес, сказав, что тот прибыл из весьма неблизких мест и обычаи его, привычки и манеры могут сильно отличаться от тех, к которым привыкли уважаемые купцы из Петербурга. Нельзя сказать, чтоб Петр Алексеевич таки сгорал от любопытства, все ж за две недели торговли насмотрелся он на массу разных чуд, но одно дело – глядеть исподтишка, другое – везти с собой и быть в одном помещении целую неделю. Это и вызывало немало смущения. В другой раз Жбанков, возможно, отказался бы от такой милости, но уж больно хорошая цена была предложена за переправку пассажира и его багажа.

Стоит сказать, что с нетерпением ждали и Вавилу, который очень некстати задерживался, хотя должен был находиться на своем месте и помогать инженеру готовить снаряд к дороге. Наконец он появился с совсем небольшим кошельком, являвшим, видимо, полный итог его коммерции. Был он настроен довольно весело и даже с дедом Андреем поругался скорее по привычке.

Потом дождались и пассажира. Он подкатил на массивном экипаже с железными осями, запряженном парой невиданных животных, похожих более на драконов, чем на лошадей. Все высыпали на площадь глядеть на неожиданного попутчика.

Из экипажа вышло на свет божий жалкое, малорослое существо с серой морщинистой кожей и лысой головой, на которой болтались вислые помятые уши. Существо постояло с минуту, хлопая глазами и озираясь, затем размяло члены и занялось бурной деятельностью.

Ни «здрасьте», ни «утро доброе» сказано при том не было. Жбанков изумленно наблюдал, как четверо носильщиков, прибывших на том же экипаже, деловито заносили в нутро снаряда свертки, чемоданы, саквояжи, торбы, коробки, совершенно не обращая внимания на него, хозяина этого самого снаряда. Складывалось так, будто не он, Жбанков, своей милостью позволил поселить на своем транспорте этого чужеземца, а, напротив, чужеземец удостоил его милостью везти себя в Петербург.

Носильщики продолжали таскать в снаряд вещи, повинуюсь командам нанимателя. При взгляде на него думалось, что он сбежал из зоопарка: сплошной крик, визг, прыжки, маханье руками и брыканье ногами. Хоть поверенный и предупредил о своеобразии пассажира, но мужики начали посмеиваться в кулачки.

Последнее, что понесли на себе носильщики, был большой каменный идол, обернутый в мягкую тряпку. Пассажир при этом проявил большую часть своего командирского усердия: носильщики кряхтели и тужились, обливаясь потом и пуча глаза, а он мелкой обезьяной скакал вокруг и громким визгом предупреждал самое мелкое, по его мнению, проявление неосторожности.

На том погрузочные работы закончились.

– Степан, – тихо позвал Петр Алексеевич. – Поди укажи чужеземцу его номер. Посели в кабине, где прежде голландские холсты лежали, там сухо и хорошо.

Необходимыми для разговоров языками, понятно, никто не владел – ни хозяева, ни пассажир. Приходилось показывать ему все руками и громко, раздельно кричать на уши, хотя он все равно ничего не понимал.

Перед самой отправкой вышла легкая заминка. Чужеземец из всех сил желал, чтоб его поселили рядом с идолом, хотя идола носильщики сразу поставили к грузу, где живому существу селиться было совершенно неудобно. Напрасно Степан убеждал его всей силой своего красноречия, напрасно изображал фигуры руками и строил на лице разные гримасы, пассажир визжал, прыгал чуть не до потолка и проявлял массу беспокойства. Пришлось мужикам напрячь руки и перетащить идола прямо к нему в номер, ибо носильщиков уже отпустили. Только тогда чужеземец утомился.

Еще раз он проявил было норы, когда Степан с дедом Андреем взялись приматывать истукана веревкой к скобе. Но тут уж чужеземному визгу никто внимания не уделил: случись какая тряска при подъеме, тяжеленная каменюка могла покатиться и любого изувечить.

С горем пополам взлетели. Подъем, ввиду привычки, переносился уже легче. Тем не менее купец счел за лучшее провести первую половину дня в своей койке привязанным, пока курс снаряда не будет выровнен.

С первого же дня пассажир начал выказывать свои необычные свойства. Мало будет сказать «необычные», скорей уж просто скверные. Мог среди обеда зайти в общую залу и у любого прямо из рук забрать кусок пищи. Мог его надкусить, а если не понравится, тут же и бросить. Способен был даже нагадить прямо в коридоре. И еще – всепостоянно крутился под ногами, толкался, верещал и никому не желал уступать дорогу. Жбанков из всех сил предлагал мужикам проявить терпимость к заграничному подданному, который, быть может, и слыхом никогда не слыхивал, что у русских принято каждому из своей тарелки кушать. Мужики на словах соглашались, а промеж собой роптали.

Удивляла и кошачья привычка чужеземца засыпать в любое время в самых неожиданных местах. Раз он уснул прямо в кресле Меринова, раскидав в стороны свои обвислые уши. Во сне он пошевелил ногами какие-то рычаги, и снаряд от этого немножко тряхануло.

Однажды дед Андрей зашел по какой-то надобности в его кабину и потом рассказывал, что увидел следующую картину: вислоухий чужак стоит перед своим каменным изваянием и что-то ему по-своему втолковывает, а между делом достает из мешочка желтые шарики и бросает идолу в дырку, которая, должно быть, по замыслу ваятеля, означала рот.

– Ничего сверхъестественного, – пробормотал инженер. – Язычество, как оно и должно быть.

– Оно понятно, что язычество, – отвечал ему дед, хмурясь, – а все ж на душе мерзостно. Христианская его душа не могла мириться с преклонением каменному страшилищу.

На третий день Меринов всех предупредил, что с завтрашнего обеда начнется опять летание под потолком, но продлится недолго, и вообще путь домой обещает быть быстрее, чем ожидалось.

Мужики это степенно обсудили, а Гаврюха с беспокойством сказал, что надо бы приучить чужеземца ходить в уборную, а то не ровен час, когда все летать начнет, не миновать конфузов.

– Надо его рылом ткнуть, как котенка, вот и будет ему наука, – злобно ответил Вавила, шевеля рыжими бровями. Он по неясным причинам испытывал к чужаку особую неприязнь и не упускал повода сказать в его сторону любую пакость.

Но уже вечером к Жбанкову в кабину вошел Степан и проговорил:

– Барин! Не прикажи рыжему Вавиле у чужеземца червонцы выманивать. Это прямо стыд один, что делается.

Петр Алексеевич порасспросил, и вот что оказалось.

Однажды, когда мужики мирно перекусывали в общей зале, чужеземец, по своему обыкновению, ворвался, все понюхал и вырвал у Вавилы из-под носа большой бутерброд, который тот с особым усердием для себя готовил.

Вавила, уже давно потерявший терпение, тут же вскочил, заорал, замахнулся на пассажира и разразился такой бранью, что многим стало совестно.

Чужак, видать, сообразил, что сделал непотребное, достал из-за пазухи мешочек, а из мешочка – золотой червонец! Ну, не червонец, но золотой кругляш сходных размеров. И протянул его Вавиле в уплату за беспокойство.

Тот прознал, с какой легкостью пассажир раздает червонцы, и обратил все себе в пользу. Стал оказывать ему разные услуги, носить горшки с едой, а когда тот их принимал – протягивал руку. Плати, мол. Чужеземец без разговоров давал монету. За полдня такое произошло уже раз восемь.

Услышав это, Петр Алексеевич соскочил с койки и вместе с мужиками пошел искать Вавилу, чтоб устроить ему добрую головомойку.

Нашли его, конечно, в номере чужеземца. Вавила был сплошная любезность, он держал в руках корец с квасом и так сладко улыбался, словно сам был сахарный.

– Ну-ка выйди, – бросил ему Жбанков, нахмутив брови.

В коридоре купец прежде взял его за рыжий вихор и хорошенько потряс.

– А ну, рыжая бестия, выкладывай сюда монеты, что у пассажира взял!

– На что тебе мои монеты? – озлобился Вавила. – Он сам мне их передал, стало быть, мною заработанные.

– Все, что ты заработал, я тебе дома сполна выдам, – угрожающе пообещал Жбанков. – А это – что ты делаешь – есть грабеж и обман в чистом виде. Я тебе позорить нас не дам!

Вавила, сверкая глазами, оглядел собравшихся.

– А ежели не отдам?

– А ты отдай, – мирно посоветовал ему Степан, делая такое движение, будто засучивает рукав.

Вавила еще некоторое время разглядывал противников, решая, как быть. Сама мысль расстаться в один момент с дармовым капиталом была для него досадной.

– У чужеземца там целый мешок золота, – буркнул он. – Не убудет.

– А хоть два мешка, – твердо ответил Жбанков, – все одно не твое.

– Не прекословь старшому, – сердито проговорил дед Андрей. – Отдай все добром, пока просят.

Вавила процедил сквозь зубы какое-то мудреное проклятие и вынул из-за пазухи тряпочку, в которой были завернуты монеты.

– Забирайте, – презрительно сказал он. – Небось завидуете, что сами не догадались, а теперь отымаете.

– Поди с глаз вон, – объявил купец, а сам взял тряпочку и отправился с ней в номер к пассажиру.

– Наши извинения, – сказал он, протягивая деньги. – Я говорю, один дурной жеребец весь табун осрамит. Негодящий он человек, и впредь не давайте ему денег.

Чужеземец настороженно шевелил ушами и никак не мог понять, что говорит ему Жбанков. Он даже не протягивал рук, чтоб забрать деньги.

– Вот, берите, нам чужого лишнего не надо. – Купец положил сверток на пол и повернулся уходить. Но прежде он успел оглядеть номер. Постоялец разложил повсюду свои вещи, открыл коробки. В углу покоился мрачной громадой его истукан. Ростом он был на две головы выше Степана. Шеи не было, но в верхней части имелась темная большая дырка, несомненно, рот. А по бокам неизвестный ваятель провел глубокие борозды, обозначив, что

у идола есть и руки. Камень казался шершавым и скверно обработанным. Жбанков подумал, что скульптор Фейфер, к которому он как-то ездил заказывать гипсовых амуров на крыльцо, смог бы сработать такого идола куда искуснее. Он бы и камень отшлифовал, и узорчиков разных высек, даром что немец.

Но пора было возвращаться к делам. Благодушие слетело с Вавилы, как шелуха, и он еще больше чужака возненавидел. Теперь он не только кричал и сквернословил в ответ на его причуды, но сам искал повода столкнуться, наговорить дерзостей да еще и незаметно дать тумака.

На следующий день такой случай ему представился.

К обеду все ожидали пропадания тяжести предметов. А до того, как обещал Меринов, произойдет некая круговерть, связанная с торможением и разворачиванием снаряда. Хоть никто и не понимал, зачем тормозить на половине дороги, но перечить не стали. У мужиков нашлись дела, а Жбанкову и Гаврюхе надлежало пристегнуться к койкам и лежать тихо, ожидая, пока разворот кончится. Жбанков не преминул вспомнить, что в номере пассажира стоит кое-как закрепленный идол.

– Сходи-ка, братец, привяжи его покрепче, – велел он Вавиле. И затем, повернувшись к деду Андрею, добавил: – И ты иди. Поможешь да и поглядишь, чтоб рыжий опять денег не просил.

Вавила пробурчал, что прислужником к «этой обезьяне вислоухой» не нанимался, но тотчас пошел исполнять повеление. Чужеземца они застали за малопонятным перекалыванием багажа, которое, впрочем, происходило у того довольно постоянно. Он вечно вынимал и клал на пол какие-то камни, тряпицы, свитки, узорчатые доски, а затем перекалывал их в ином порядке и снова рассовывал по местам.

Дед Андрей сразу узрел, что веревки, которые они со Степаном так тщательно накрутили на идола, съехали и болтаются кое-как. Возможно, пассажир сам их расслабил с неизвестной целью. Тем более что и узлы имели совершенно иной вид. Степан вязал тройные, а ныне имелось лишь жалкое их подобие, веревки были словно намотаны неопытной рукой ребенка.

– Помогай его двигать, – сказал дед Вавиле. – Надо ближе к стене притыкнуть, чтоб не болталось.

К тому времени благодаря маневрам снаряда в пространстве уже чувствовалась легкость во всем теле, и оторвать идола от пола стало делом посильным. Однако он все же был весьма массивным. Едва лишь дед Андрей прижимал к стене верхнюю часть, как низ стучался и отлетал. Вавила тоже что-то пытался сделать, но безуспешно – то ли специально, то ли из-за бестолковости. И злился он вполне естественно, и называл каменную глыбу такими скверными словами, что дед подумал: «Хорошо, пассажир ни бельмеса не понимает, а то бы нажаловался Жбанкову».

Что касается пассажира, то он проявлял некоторое беспокойство. Он суетился, повизгивал и прыгал за спинами, опасаясь за целостность своего каменного имущества. Когда же Вавила вновь стал сквернословить и в сердцах пнул идола ногой, поднялся такой визг, словно в обезьянник запустили бешеного тигра. Чужеземец начал хватать Вавилу за одежду, рвать на себя и кричать ему прямо в глаза, корча немыслимые физиономии. Вавила побелел от омерзения и гневно сверкнул глазами, оттолкнув пассажира прочь. Тот кувыркнулся через голову, встал на ноги и опять подскочил, продолжая орать. Правда, никого трогать уже не решился. Тут и дед не выдержал и пробормотал в адрес визгливого существа пару ядреных слов.

Дело тем временем не продвигалось ни на вершок. Идол нипочем не хотел прильнуть к стенке плотно, чтоб быть крепко привязанным. Он так и норовил массой своей вырваться

из рук и завалиться на пол. Хотя он весил теперь немного, все равно очутиться между стеной и этой каменной громадой казалось делом малоприятным.

Вавила, окончательно остервенев, снова стал долбить его ногой и толкать изо всех сил, отчего идол начал с гулким звоном биться о железную стену. И опять повторилась старая история – пассажир с оглушительным визгом бросился на Вавилу и вцепился тонкими пальчиками в рыжую шевелюру.

– Уйди от меня, нечисть, гнида, паскуда!!! – заорал Вавила и со всех сил пнул пассажира ногой. Тот опять перевернулся через себя, но не смог остановиться и влетел головой прямо в стену.

Что-то хрустнуло...

Чужеземец в один миг перестал кричать, медленно опустился на пол и застыл.

Оба – и Вавила, и дед Андрей – с минуту молча глазели выпученными своими глазами, как пассажир лежит, не шевелясь и не издавая звуков. Затем дед часто-часто задышал, вскочил, опомнился и помчался по коридору.

– Убили! Убили!!! – кричал он, двигаясь огромными прыжками из-за малой силы тяжести.

Вернулся он вскорости, ведя с собой всех. Вавила по-прежнему находился на своем месте, затравленно глядя на остальных.

Все было понятно без слов.

– Так-так... – проговорил Жбанков, сжимая кулаки.

– Некогда, Петр Алексеевич, – нервозно произнес инженер, тиская пальцами свой несчастный платок. – Некогда, говорю, сейчас разбираться. Надо оборот делать. Пожалуйста все сейчас по местам, иначе такая круговерть будет...

– Будет круговерть, будет, – согласился купец, пожирая Вавилу глазами. – Особенно вот этому, бесноватому.

– Петр Алексеевич, умоляю все отложить на другое время. Никак нельзя момент упустить.

– Ладно, – отрезал Жбанков. – Раз ты, Капитон Сергеевич, просишь, так тому и быть. Потом. Идола только привяжите. И покойника, чтоб они тут не болтались.

Когда за дело взялся Степан, привязать истукана удалось без затруднений. Покидая номер, Вавила был очень нервный и шел сгорбившись, словно каждую минуту ожидал удара по загривку.

Едва Петр Алексеевич привязался к койке, Меринов начал маневры. Закружило и впрямь нешуточно, так что нельзя было разобрать, где пол, где потолок, где стена. Немолодой организм Жбанкова отозвался на эти выкрутасы очень отрицательно, и весь обед едва не выскочил наружу.

Когда маневр закончился, Жбанков вздохнул с облегчением. Некоторое время он побыл на прежнем месте, проверяя самочувствие, а затем решил открыть замки на ремнях. Тело его тотчас подпрыгнуло и поплыло прочь от койки. Купец дождался, пока достигнет края комнаты, а там легко оттолкнулся одними кончиками пальцев и поплыл обратно. По пути перекувырнулся, попробовал загрести руками, как в воде. Получалось плохо, но занятно. «Рассказать Дрожину, – подумал он, – помрет со смеху».

Однако сейчас время для шуток было неподходящее. Петр Алексеевич с трудом добрался до двери и, хватаясь за стены, начал перебираться в общую залу, чтобы потребовать у Вавилы объяснений.

Разговор захотелось провести с глазу на глаз. Для этого вполне подошла полупустая кабинка возле залы, где хранились запасные полосы железа, а также ведра, лопаты, метлы и прочий инвентарь.

– Что с тобой теперь делать прикажешь? – хмуро спросил Жбанков, стараясь удерживать себя в висячем положении точно против нарушителя.

– Что тут делать? – буркнул Вавила. – Случайное происшествие – и весь сказ.

– Я те дам случайное происшествие! Ни с кем не было никаких происшествий, только с тобой вот... Зачем чужестранца в бока толкал?

– Так ведь мешал, ей-богу, работать не давал!

– И пусть бы мешал! Он – не нашей веры существо, он, может, и понятий не имеет, что нельзя людей трогать и за вихры их драть. Разве я не велел проявлять всем терпимость и снисхождение к его языческим привычкам? – Жбанков неосторожно сделал движение, будто хотел стукнуть кулаком по столу, и от этого закувыркался по комнате.

– Я в пансионатах благородным манерам не обучался, – глухо проговорил Вавила, наблюдая, как купец описывает круги и сальто вокруг него.

– Это ты полицмейстеру говорить будешь, – зловеще пообещал ему Жбанков, тщетно пробуя установить равновесие в своем теле. Ему казалось, что выкрутасы в воздухе умаляют серьезность его слов.

– Зачем полицмейстер? – опешил Вавила. – Не надо полицмейстера, прошу вас! – Он замахал руками и от этого тоже пустился в круговой полет по кладовой.

– Как это не надо? – Петру Алексеевичу было досадно, что не может он прямо взглянуть в глаза виновнику из-за того, что оба куролесили, как птахи. – Привезем в город покойника и от полицмейстера утаим?

– Позовем лучше лекаря. – Вавила с каждой минутой показывал все больше беспокойства. – Пусть засвидетельствует, что был несчастливый случай, а никакого смертоубийства не имело места быть!

– Ишь, какой хитрец! – Жбанков вновь не удержался от резкого движения, закружился и даже задел головой одно из ведер, отчего произошел не совсем уместный в данном случае звук. – Никаких тебе лекарей! Сразу к полицмейстеру!

– Да ведь...

– И слышать не желаю! Марш на свое место.

Вавила помрачнел и, извиваясь, как рыба, поплыл к двери. Вслед ему пристроился и купец, думая про себя, как бы мужик не обернулся и не увидел, какие несуразные движения приходится выписывать телом, чтоб добраться из угла в угол.

Случившееся с пассажиром несчастье совершенно испортило всем настроение. Даже радость возвращения пропала. Никому не хотелось оставаться в одиночестве, поэтому и Жбанков, и Гаврюха пришли в общую залу и тихо сели себе в угол. Мрачные мысли нахлынули на купца. Он думал о покойнике, которого приходится везти домой вместе с выручкой и гостинцами для домочадцев.

Впрочем, постепенно хмурь начала отпускать. Петр Алексеевич вспомнил, что и раньше ходил он в торговые походы, и там случались несчастья самого разного рода. Бывало, лошадь понесет и убьет людей, бывало, пожар произойдет в постоялом дворе. А случалось, мужики схватятся с топорами – когда из-за денег, когда просто с дури. Доводилось в таких случаях и покойников в обоз класть. Такая доля купеческая – дорога, неизвестность, опасность...

Жбанков выскользнул из своего угла и начал тихонько перебираться к инженеру.

– Слышь, Капитон Сергеевич, – позвал он, – ты, что ли, покажи, как снарядом правишь. Надобно знать... – Купец смущенно замолчал, не сумев объяснить, зачем ему «надобно знать».

Инженер хмыкнул, указал на свои рычаги руками, тронул каждый по отдельности и, наконец, пожал плечами, не зная, с чего начать.

– К примеру, как вперед лететь, а как вбок отвернуть, – подсказал ему Жбанков.

– Ну... Он вперед и так летит, – непонятно ответил Меринов. – Надо ему углы задавать.
– Ясно, – с солидностью кивнул Жбанков. – А дальше?
– Ну... Вот... Это у нас планета одна впереди. Надо ее так миновать, чтоб не столкнуться. Для этого надо синусы разные считать.

– А как мне, к примеру, налево снаряд отвернуть?

– Ну... Как сказать... Берем эту вот рукоятку и крутим на себя, чтоб ослабить хомуты на пороховых бочках и чтоб они крутиться на осях могли. Потом оттянуть эти жгуты, но не совсем, а по делениям.

– А сколько делений?

– Это смотря какой синус вычислен.

– А мужики наши тоже умеют синусы вычислять?

– Нет, мужики не могут. Они себе, чтоб понятно было, на лимбах словами написали: «Чуток», «Побольше», «Много», «Дюже много». Только так они и понимают. А синусы я сам считаю.

– Мудрено, – вздохнул Петр Алексеевич, чувствуя, как остывает его интерес к летному делу.

– А эта рукоять – чтоб порох загасить и остановить снаряд вовсе.

– Где?

– Вот, за стеклом. Стекло надо разбить и рукоять выдернуть.

– И что ж, ты всякий раз колешь это стекло?

– Нет. – Меринов пошарил в карманах и, не найдя там платка, промокнул нос посторонней промасленной тряпочкой. – Это тормозная рукоять для особых случаев. А так я опять через синусы снаряд останавливаю.

– Мудрено, – снова вздохнул Жбанков.

Инженер в этот момент прекратил разговор, потому что в его тумбе затрезвонил какой-то звонок и пришлось срочно заниматься управлением. А через полчаса купец почувствовал, что не нужно больше держаться за всякие выступы из страха улететь к потолку. Тело начало обретать долгожданный вес.

Когда стало возможным передвигаться на собственных ногах, Петр Алексеевич взял Гаврюху и направился в кабину, где лежал пассажир, чтобы увидеть, в каком состоянии теперь пребывает тело. Вслед за ними увязался и дед Андрей.

В кабине царил неописуемый беспорядок. Все имущество пассажира, не будучи закрепленным, разлетелось и теперь лежало на полу как попало. Сам хозяин, вернее, тело его покоилось все там же, на лежанке, раскинув в стороны руки и ноги. Уши его беспомощно лежали на подушке. В воздухе висел чужой, неприятный запах, переходящий в отвратительный.

– Завонял уже, – прошептал дед Андрей, перекрестившись.

– Надо бы его... – купец поморщился, – куда-нибудь деть.

– В самом задку есть кабины, где прежде сухая рыба была, – отозвался приказчик. – Там и прохладно, и запах уже такой рыбный, что ничем не перебьешь.

– Да, – согласился Жбанков. – Пусть Вавила его туда сам и переправит. И еще – надобно здесь порядок опять установить. А то как-то неприятно, нехорошо...

Дед Андрей шагнул в глубь номера и поднял с пола одну коробку, чтоб водрузить на надлежащее ей место. Но, не найдя такого, бросил обратно. Беспорядок был столь безнадежный, что прямо-таки опускались руки.

– Позову Степана, что ли, – проговорил Жбанков, выходя в коридор. – Вместе вам сподручнее будет.

Ему хотелось поскорее покинуть кабину, где лежал покойник, где воняло и повсюду были разбросаны вещи.

– Эге! – воскликнул вдруг дед и замер на месте.

– Что? – всполошился купец.

– Идол-то... Мы его не на то место ставили.

– Что ты такое говоришь, – нахмурился Жбанков, с неохотой опять заходя в дверь.

– Точно так говорю. Мы его в угол привязывали, а сейчас он где?

Жбанков пригляделся, и действительно: идол стоял в трех шагах от той скобы, к которой его крепили.

– А веревки-то! Веревки где? – еще больше запаниковал дед.

– Да что ты, право, раскудахтался, – сердито произнес Петр Алексеевич. – Ну, ослаб узел, веревки упали, и эта глыба сдвинулась. Чего шум теперь зазря поднимать?

Гаврюха тоже прошел на середину нумера и разгреб вещи ногой.

– Вот, – сказал он и поднял с пола обрывок веревки длиной в пол-аршина.

– Святая Богородица! – воскликнул дед, и голос его стал от волнения хриплым. – Уж не покойник ли...

Не дожидаясь продолжения, Гаврюха приблизился к телу чужеземца и склонился, зажав нос пальцами.

– Ничего не замечаю особенного, – сообщил он через некоторое время. – Мертв, как доска.

– Ты его пощупай, пощупай, – посоветовал дед Андрей шепотом. – Может, он еще теплый, может, кровь еще бьет?

Гаврюха распрямился и сделал шаг назад.

– Сам щупай, – громко сказал он.

– Да ну вас к лешему! – решительно проговорил Жбанков, собираясь уходить. – Понапридумали страстей, сами себя запугали, тоже мне... Ну, мало ли, снаряд обороты делал, веревки и не удержали такую махину, порвались. Пойду я в залу. Сейчас велю Степану прийти, чтоб нумер прибрать.

Он повернулся и быстро зашагал по коридору. Все же ему было не по себе. Первобытный страх, с которым воспринял дед Андрей необъяснимые перемещения идола, оказался сильнее, чем любые разумные доводы, и передался Жбанкову во всей полноте. А дело меж тем клонилось к вечеру, и с этими суеверными мыслями предстояло еще засыпать.

Но, как ни странно, спать ему в ту ночь удалось вполне сносно. Усталость помогла изгнать из мыслей всякую чертовщину. Наутро дед Андрей доложил, что все сделано, как было велено: мертвец обернут в рогожу и переправлен в кабину для грузов, порядок в его нумере восстановлен, все вещи сложены и закреплены. Так что, если вдруг хватятся родственники или лица, имеющие к погибшему интерес, можно будет им отчитаться, что все вещи и документы сохранены в целости.

Говоря об этом, дед как-то странно заглядывал Жбанкову в глаза, словно хотел сказать что-то необходимое, но боялся ошибиться и внести этим напрасное беспокойство.

– Что ты, брат, все егозишь? – не выдержал наконец Петр Алексеевич.

Дед тут же весь подобрался, распрямился, только что руки по швам не положил.

– Мы когда со Степаном прибирались, – тихо сказал он, сохраняя на лице очень заговорщицкое выражение, – мешка с червонцами нигде не нашли.

– Да как же... – растерялся купец. – И где он мог пропасть?

– А где? – ехидно ответил дед. – Рыжий черт один с покойником оставался, когда я за вами бегал.

– Вот как? – Глаза Жбанкова сузились, а голос окреп. – Что ж... Надо тотчас устроить ему дознание.

– А нечего и устраивать, – мстительно произнес дед. – Степан уже глядел. Червонцы у рыжего под матрасом схоронены.

– Вот же бестия! – не выдержал Жбанков.

– То-то бестия. Я всегда говорил, что он разбойник и каторжник.

– Ну, вот что. Вы пока шума не делайте. Дайте до дома добраться. А уж там устроим все процедуры, как полагается. И червонцы эти вместе с полицмейстером будем доставать.

– Это мудро, – согласился дед. – Я, признаться, Вавилу уже опасаясь. Ежели начнем его сейчас приструнять, он того и гляди всех по очереди перережет.

– Оно так, – кивнул купец. – Потому и не будем сейчас следствия чинить. Обождем до дому.

Вавила, конечно, заметил, что кое-кто из команды общается с ним теперь с некоторым напряжением. Но отнес это за счет нечаянно убитого пассажира. Понимая свою вину, он стал меньше задиаться и лезть на рожон. Возможно, роль в этом сыграло и то, что червонцы теперь покоились под его матрасом и оставалось только спокойно дотерпеть до дома, чтоб воспользоваться всеми благами жизни. Вопрос с полицией он надеялся как-то уладить.

И это улаживание начал прямо после обеда.

В один прекрасный момент он подошел к купцу с самым невинным видом.

– Петр Алексеевич, – печально проговорил он. – Небось тоже огорчаешься из-за чужеземца?

– Еще спрашиваешь! – со злостью отвечал Жбанков.

– Беда... – вздохнул Вавила. – Теперь небось и люди заговорят, что купец летал к планетам за выгодой, а привез покойника.

– Ты нарочно пришел душу мне травить? – рыкнул Жбанков. – Пошел с глаз!

– Да, пойду, пожалуй, – поспешно согласился Вавила, но не ушел. Вместо этого опять начал рассуждать: – И, наверное, в полицейское ведомство таскать начнут, спрашивать то да это...

– Что тебе от меня надо?! – воскликнул вконец разозленный купец.

– Я говорю, небось неохота вам таких хлопот, а?

– Да уж ясное дело, неохота!

– А раз так, – Вавила подошел вплотную и заговорил вполголоса, – раз так, давайте покойника из снаряда вон выбросим!

– Что?! – Петр Алексеевич ушам своим не поверил.

– А что? – нахально сказал мужик. – Кто там потом узнает, что мы при себе везли? Выкинем его вон, вещи – тоже, все следы изничтожим – и не будет с нас никакого спроса. Ни хлопот, ни разговоров.

– Ты мне это предлагаешь? – задыхаясь от гнева, пролепетал Жбанков. – Мне?!

– Не извольте кипятиться, барин, а лучше послушайте моего совета, – ухмыльнулся Вавила, фамильярно взяв купца за рукав.

– Да я... Да я тебя сейчас!.. – Жбанков не смог договорить, ибо в ту же секунду его отвлек громкий звук неясного происхождения.

Звук услышали все в общей зале и тут же оставили свои занятия. Это походило на то, если бы некто бил колотушкой в пустой колокол: тум! тум! тум!..

– Что это там? – пролепетал дед Андрей, заметно побледневший.

– Гаврюха, что ли, чудачит? – задумался было купец, но в тот же момент сообразил, что приказчик находится вместе со всеми и удивлен не меньше остальных.

Меринов встал от своих рычагов, надел очки и вгляделся в темный провал дверного прохода, словно желал просмотреть его насквозь.

– Вибрация... – пробормотал он. – Возможно, отошло какое-то крепление. Степан, сходи проверь. И возьми с собой инструмента, болтов, клепок запасных.

Степан взял вещи и молча вышел, опасливо покосившись на остальных.

Из глубины коридора продолжали доноситься гулкие удары, и всем казалось, что с каждой минутой они становятся громче. Все так и стояли полукругом, не говоря ни слова. Только дед Андрей беспокойно дергался и все время тихо повторял:

– Может, еще кого послать? Может, ему подмога требуется?

Внезапно удары стихли. После небольшой паузы инженер зашевелился.

– Ну, вот. Степан уже все и наладил. – Он тут же потерял интерес к событию и вернулся в кресло.

Остальные еще продолжали наблюдать, хотя уже и не так напряженно. Наконец из мрака появилась большая фигура Степана.

Едва лишь увидав его лицо, все поняли, что причин для спокойствия нет. Степан подошел вплотную к группе ожидающих и некоторое время молча смотрел на них, часто-часто моргая. Инструмент и мешочек с болтами он судорожно прижимал к груди.

– Ну! – нетерпеливо воскликнул Жбанков.

– Двери-то нету, – вымолвил наконец мужик.

– Какой двери? Что ты говоришь такое?

– Двери нету... Той, что в номере у чужеземца стояла.

– Да где ж она?

– Почему мне знать? Я ее искать не стал. Стена вся побита, петли разворочены, словно таран по ним прошелся.

– Постой-постой... – пробормотал купец, чувствуя, как волосы на голове начинают шевелиться. – Да кто ж мог!

– Не ведаю.

– А что в номере? В номере что? – засуетился дед.

– В номере? – Степан обвел всех леденящим душу взглядом, и стало ясно, что теперь он выдаст нечто вовсе уж из ряда вон выходящее. – В номере – все как было, но только... – он понизил голос, – только идола там уже нет.

Повисла страшная пауза, во время которой каждый пытался догадаться и найти происшествию какое-то простое разъяснение.

– Может, кто-то из наших? – безнадежно произнес Гаврюха, оглядев стоящих рядом. Но, конечно, все были на месте.

– Взрыва там никакого не наблюдалось? – подал голос Меринов, также стоявший рядом. – Вон, копоты нет?

– Никакой копоты. – Степан перекрестился в знак верности своих слов. – Только вмятины да царапины, словно бы кувалдой били. Хотя какая там кувалда... Такую дверь ни одной кувалдой не проймешь.

– Эге-ге... – растерянно пробормотал инженер.

От этого его междометия всем стало по-настоящему жутко. Потому что, раз сам инженер, не удивляющийся ничему в жизни, удивился, значит, произошло и в самом деле нечто ужасное. То был ужас, холодящий кровь и сковывающий члены, так как нет ничего страшнее, чем присутствие постороннего там, где его быть не должно, – будь то запертый дом, или корабль в открытом море, или даже снаряд, летящий в одиночестве от планеты к планете.

Меринов не умел мириться ни с какими тайнами.

– Это должно иметь научное объяснение, – сказал он не очень решительным тоном. Никто ему не ответил и не согласился, поэтому он продолжил: – Должно предположить, что чужеземец вовсе не умер, а лишь погружен в заторможенное состояние, из которого иногда выходит. В такие моменты он и мог попортить нашу дверь и уволочь идола.

– Кто? Этот вислоухий? – хмуро проговорил дед Андрей. – Он своими тонкими пальчиками соплю разорвать не сможет, а ты говоришь – дверь...

– Об этом судить нам пока нельзя, – серьезно заметил инженер. – В его организме могут иметься очень даже громадные запасы силы, о которых мы пока не знаем.

– Да что ж нам теперь делать? – нервно воскликнул Гаврюха.

Меринов снял очки, сунул их в карман, обтер рукавом вспотевший лоб.

– Надо идти и посмотреть, – тихо сказал он.

Все как по команде усталились в темноту коридора. Казалось, никакая сила не заставит их шагнуть туда, навстречу неизведанному кошмару.

– Надо идти, – негромко повторил Жбанков, соглашаясь с инженером. – Стоять тут – никакого проку. Эх, жаль, не захватил с собой никакого револьвера. Придется брать что потяжелее – и идти.

...Полутемный узкий коридор глотал небольшую группу людей, как железная кишка. В путь двинулись впятером – инженера оставили следить за управлением. Каждый взял в руку что-нибудь увесистое. Жбанков и Степан несли по здоровенному гаечному ключу, деду досталась длинная медная труба с фланцем, Вавила намотал на кулак обрывок цепи. Сзади всех семенил Гаврюха, сжимая большой столовый нож. Все старались идти неслышно и пугались собственного эха.

Первым делом обследовали номер пассажира. Все было в точности так, как описал Степан: помятое железо стен, вывороченные петли, вырванный вместе с заклепками запор. Внутри сохранился прежний порядок, только на месте, где раньше стоял идол, теперь была непривычная пустота.

– Глядите, вот опять, – прошептал дед, поднимая с пола рваные веревки. – Как и в тот раз, помните?

– Пойдемте, – нетерпеливо предложил Жбанков. – Вонница здесь...

В кабине на самом деле все так же висел отвратительный запах, замеченный еще прошлый раз. Казалось, сейчас он лишь усилился и даже проник в коридор.

– Теперь куда? – спросил дед Андрей. И тут же сам предложил: – Теперь надо покойника посмотреть.

Чем ближе подходили разведчики к грузовым кабинам, тем сильнее становилась вонь. Все это заметили и только удивлялись, как может такой маленький пассажир наделать столько запахов.

Уже издали они увидели, что и здесь дверь вырвана с корнями и валяется неподалеку.

– Стойте, я пойду проверю, – шепнул Степан и тихо начал прокрадываться, держа наготове свой гаечный ключ. Он по стеночке приблизился к двери, задержался, собираясь с духом, и – заглянул в кабину.

Но тут же отскочил, словно увидел самого сатану. Вся команда тоже невольно подалась назад, а дед даже тоненько вскрикнул от испуга. Однако Степан быстро унял страх и опять сунулся в кабину. Ничего страшного на этот раз не произошло, и остальные тоже подтянулись.

Тело чужеземца, покрытое рогожей, лежало на прежнем месте. А над ним мрачной глыбой возвышался идол.

– Может, притворяется? – робко произнес дед.

Никто не ответил. Все пристально глядели на пассажира, стараясь заметить, не выдаст ли он себя неосторожным движением. Ничего не происходило, поэтому посмотреть всем быстро наскучило. После краткого совещания было решено, что дед Андрей, как обладатель самого длинного во всей компании орудия, обязан приподнять рогожу и потыкать тело трубой. Вдруг отзовется. Дед воспринял это решение почти как смертный приговор. Но возражать постыдился.

Шагнув на самую малость в глубь кабины, он вытянул трубу так, что та едва его не перевесила. И тогда осторожно потрогал покойника.

Ничего не произошло.

Осмелев, дед скovyрнул рогожу, и все увидели, каким жалким и сморщенным стало тело чужеземца после смерти. Нельзя было и мысли допустить, что существо в таком виде может оживать и таскать тяжеленное каменное изваяние, круша при этом железные двери.

– Да ты сильнее его ткни, – посоветовал Степан, тоже заметно похрабrevший. – А ну, дай я...

Он принял у деда трубу и так боднул ею вислоухого, что тот перевернулся на бок. Все вздрогнули – показалось, покойник пошевелился сам.

– Нисколько он не живой, – буркнул Степан и в подтверждение своих слов еще раз двинул пассажира в бок трубой.

И тут произошло нечто неожиданное. От сильного удара бок у покойника с треском разорвался, и из него покатились яркие желтые шарики размером с вишню. Степан ахнул и отскочил назад в коридор, обронив трубу. Шарики все сыпались и сыпались с твердым звуком, раскатываясь по полу.

– Что ж ты сделал, козлияя твоя голова! – в сердцах воскликнул Жбанков. – Как такого покойника на свет теперь предъявлять? Мало нам одной беды?

– Барин, сам не знаю, как вышло, – виновато заговорил Степан.

– Эх! – Купец с досады махнул рукой.

Между тем странное явление с шариками вызвало у команды интерес. Дед Андрей – откуда только храбрость взялась? – полез в кабину и подобрал несколько штук. Один оставил в кулаке, другие положил ненароком в карман.

– Вот же чертовщина. – Он почесал в затылке. – Похоже, как икра. Может, они там икру мечут, как севрюга?

Он взглянул на лица товарищей, определяя их мнение по этому вопросу, но увидел в их глазах нечто совсем другое.

Все до единого оцепенело стояли и смотрели с невыразимым ужасом. Только Степан делал какие-то судорожные движения рукой и проговаривал одними губами: «Назад! Назад!»

Дед Андрей, еще не зная даже, в чем дело, уже покрылся мурашками. Очень медленно и осторожно он повернул голову – и увидел невозможное.

Идол пришел в движение.

Каменная глыба вся дрожала и шевелилась, а сбоку от нее отделялся плоский отросток, видимо, рука, хотя больше она походила на тюленью ласту.

У деда в тот момент отказали и руки, и ноги. Он свалился кулем и остался лежать в скрюченной позе зародыша. Он бы так и лежал, ожидая, пока идол сделает с ним нечто страшное, но, к счастью, у других нервы оказались крепче.

Жбанков и Гаврюха ухватили деда за обе руки и выдернули из кабины, а Степан тем временем зашел сзади и огрел идола своим ключом прямо по голове-шишке.

– Дай ему, Степан, дай еще! – закричал Вавила и запрыгал на месте, вращая своей цепью. – Врежь, чтоб мало не казалось!

Купец с Гаврюхой поставили деда на ноги и поволокли по коридору прочь от кабины.

– Врежь ему, Степа! – надрывался Вавила. – Под дых ему, под микитки!

Идол начал медленно разворачиваться на Степана. Тот не стал испытывать судьбу и бросился вон. Впереди него уже мчался Вавила.

Первую попавшуюся на пути дверь захлопнули, заперли, положив крепкий засов. Остановились, переводя дыхание. Никто не смел ничего сказать, только переглядывались и крестились.

Тум... тум... туммммм...

И команда вновь сорвалась с места. Убегая, спинами слышали, как истукан ломится в дверь.

В таком состоянии – побледневшие, перепуганные, с выпученными глазами – влетели в общую залу, где инженер, ничего не подозревая, вертел свои лимбы. Услышав топот, он вскочил и натянул очки.

– Там... Спасайся... Беда... Жуть... – вразнобой заговорили все, ничего толком не объясняя Меринову.

Из коридора прилетел страшный скрежет – похоже было, идол вывернул-таки дверь. От этого все еще больше засуетились и бестолково забежали, словно искали выход. Инженеру удалось остановить Гаврюху и допросить его мало-мальски подробно. Узнав про ожившего истукана, он тоже побледнел и даже не стал заикаться про научное объяснение. С большим трудом ему удалось всех уговорить.

– Где он сейчас, как далеко? – попытался выяснить Меринов.

– Сей факт нам неизвестен, – ответил дед.

– Хотя бы приблизительно! – взмолился инженер. – Мне непременно надо знать.

– А в чем дело? – насторожился Жбанков, уловив в голосе Меринова что-то, кроме любопытства.

– Так я же вам и говорю! В коридорах и шахтах есть перегородки, опускаемые с потолка, – торопливо заговорил инженер. – Это на тот случай, если в снаряде прохудится стена. Они крепкие, идол их вышибить не сможет.

– Так опускай их! – Купец едва не подпрыгнул на месте. – Что ж ты, брат, медлишь?

– Как же опускать, если неизвестно, где он? А если мы запрем себя вместе с ним?

– Эх, беда...

Тихая паника усугублялась беспомощным положением команды. Чтобы узнать, где идол, следовало возвращаться в жуткий мрак коридора, а на это решительно никто не хотел согласиться.

Тум... тум... туммм...

Каменное чудище, судя по громкости шагов, было уже недалеко. Меринов почувствовал, что все снова заводятся и начинают производить бесполезные нервные движения.

– Так! Тихо! Все тихо! – закричал он, расставив руки, словно оградившись ими от беспомощных глупых людишек, от которых никакого проку, а одно только беспокойство.

Тишина установилась почти мгновенно. Было ясно, что только Меринов, зная все особенности и свойства их летающего железного дома, может предпринять что-то спасительное.

– Степан, Гаврюха, закройте пока дверь, – быстро приказал он. – Остальные, слушайте, что я скажу. Сейчас идол будет уже здесь. Но мы сможем временно укрыться. Отсюда есть запасный выход, дед Андрей его знает.

– Верно, есть! – хлопнул себя по лбу дед и невольно сделал шаг к люку, через который он обычно ползал ухаживать за внутренними механизмами снаряда.

– Выход есть, – продолжал инженер. – Большая труба, которая ведет через все тело снаряда к грузовым кабинам. Там можно посидеть, а потом... Потом – посмотрим.

– Давайте поторопимся! – запрыгал на месте Вавила, гремя своей цепью.

Все негромким галдением подтвердили свое согласие. Дед Андрей откинул крышку и полез первым. Изнутри раздался металлический звон, затем дед появился наружу.

– Пожалуйте сюда, – сказал он, пропуская Жбанкова вперед. – Путь свободен.

Купец полез по какой-то шаткой лесенке, ничего не видя и опасаясь сорваться. Над ним уже заскрипели сапоги Гаврюхи. И тут сверху раздался ужасающий грохот, состоящий из звона и скрежета рвущегося железа. К тому времени на поверхности оставались Вавила, дед Андрей и Меринов. Обернувшись на звук, они увидели, как могучая дверь, сваренная

из железных полос, мнется, а затем и вовсе вылетает из петель. Сомнений не оставалось – идол оказался проворнее шестерых перепуганных людей.

Через мгновение он уже возвышался на входе в общую залу, попирая ногами-тумбами остатки двери.

– Матерь божия... – прошептал дед, собираясь упасть.

О том, чтобы всем быстро прыгнуть в люк, не могло быть и речи – отверстие закупорил своим широким телом Степан, который чуточку застрял.

Идол направлялся прямо на людей. Он двигался неспешно, но от этого становилось только страшнее – в неторопливости были мощь, неотвратимость и мрачное спокойствие всех темных сил, что витали сейчас под сводами общей залы.

Инженер снял очки и прикрыл глаза. Он стал похож на приговоренного, ожидающего, когда петля затянется на горле. Пот обильно тек с его лба, оставляя блестящие дорожки. Вавила обронил цепь, шумно вздохнул и заметался на месте, собираясь бежать сразу во всех направлениях.

Дед уже опустился на колени без сил и теперь лазил у себя под рубашкой, что-то искал. Наконец нашел, вырвал, выставил в руке перед собой. Это оказался нательный крест довольно большого размера.

– Стой, адово отродье!!! – завопил дед, целясь в истукана своей святыней.

И идол действительно остановился...

Он просто замер на одном месте, словно божественная сила преградила ему путь.

– Ангеле божий, хранителю мой святой, – начал читать дед дрожащим, как у овцы, голосом, – прилежно молю тя: ты мя днесь просвяти и от всякаго зла сохрани...

Стало заметно, какой тяжелый запах принес с собой каменный болван. Тот самый запах, открытый еще в кабине с мертвым пассажиром.

Наконец Степан пропихнул свое громоздкое тело в жерло шахты. Вавила первым заметил это и поспешно скользнул вслед. Инженер хотел было последовать за ними, но ему совестно было оставлять слабонервного деда наедине с порождением мрачных снов.

Между тем с идолом начали происходить загадочные перемены – не иначе как под влиянием дедова креста. Каменная твердь вдруг зашевелилась, сделавшись мягкой, а затем на том же месте отчетливо проступило изображение двух перекрещенных линий. В этой картинке дед явственно узнал свой нательный крест со всеми его завитушками.

– Ага! – вскрикнул дед, вскакивая на ноги.

Крест пробыл на брюхе идола совсем недолго, а потом по неясной причине преобразовался в круг.

– Ну, что ж ты! – крикнул Меринов, высунувшись, и дернул старика за штанину. Тот сразу слетел в люк.

Идол остался наверху один. Еще долго, пробираясь по темной трубе, команда могла слышать, как он грохочет и топает. Меринов с ужасом представлял себе, как эта ходячая скала бродит, сокрушая дорогостоящие узлы и механизмы управления.

Труба вела то вниз, то вбок, то опять наверх, пока впереди кто-то не загремел железным засовом и мрак не рассеялся.

– Добрались, слава небесам, – протяжно вздохнул дед Андрей и первым вывалился в крохотную дверочку.

Труба вывела спасшуюся команду к грузовым кабинам. Отсюда была видна и выломанная дверь, за которой хранился мертвый пассажир.

– Так не годится, – угрюмо проговорил инженер.

– Конечно, – искренне согласился купец.

– Я говорю, мы не можем вечно от него прятаться, а он не должен постоянно находиться в зале. Если он там рычаги сейчас ломает, как будем править снарядом?

- И то правда, как? – присоединился Гаврюха.
- Его непременно нужно победить, – заявил Меринов.
- Слышь, Степа, – заговорил дед, – когда ты палкой идола бил, нанес ему хоть какой малый ущерб?
- Поди разберись, – развел руками Степан. – Молотил я его от души, сами видали, а от него даже крошка не летит. Прочный...
- Неверный это подход, не годный никуда. – Меринов нервно закружил по коридору. – Мы не сможем забить его дубинками, как кабана, поймите же!
- Разве огнем попробовать? – подумал вслух Гаврюха.
- Нам только еще пожара не хватало, – ответил Жбанков.
- Я полагаю... – Инженер застыл на месте, погрузившись в раздумья. – Да! Я полагаю, мы сможем его вытолкать.
- Верно! – неожиданно сказал Вавила, который до этого только помалкивал, чтоб не навлечь на себя гнева людей.
- Как же его вытолкнешь? – почесал затылок приказчик. – Такую махину попробуй толкни – костей не соберешь.
- С умом надо, – ответил ему инженер. – Идемте со мной.
- Он решительно повернулся и отвел команду в самый дальний коридор, оканчивавшийся тяжелой заслонкой с замком и клепками.
- Это – запасной люк на случай чрезвычайных событий, – пояснил Меринов. – Его особенность в том, что он открывается одним прикосновением к специальной пружине. Вот здесь, – он указал место на стене.
- И что же? – осторожно поинтересовался Жбанков. – Как мы уговорим идола подойти сюда и совершить прикосновение к пружине?
- Его не нужно уговаривать, – сказал инженер. – Если дверца откроется, он будет вытолкнут потоком воздуха.
- Эвон! – воскликнул дед Андрей. – Интересное дело, кто ж будет открывать? Его самого тогда выбросит этим воздухом.
- А для этого следует привязаться ремнем к чему-либо. Мой план таков: кто-то один должен вернуться в залу и выманить оттуда болвана. Как только оба окажутся здесь, человек должен быстро спрятаться, а второй, привязанный, нажать пружину.
- Все молча смотрели на Меринова. У всех в голове сидел один вопрос: кто будет выманивать идола и кому придется открывать ему дверцу?
- Люк открывать буду я, – поспешил сказать инженер. – Потому что могу разобраться в механике и ничего не перепутаю. А выманивать...
- Рыжего послать! – заявил дед Андрей. – Он кашу заварил – ему и хлебать.
- Я не пойду! – вскрикнул Вавила, сделав испуганное лицо.
- А не пойдешь – тогда полетишь наружу вместе с чудищем.
- Перестаньте, – поморщился Жбанков. – Тут вопрос вот в чем: а пойдет ли истукан за Вавилой? Насколько я сам видел, статуя в свое время проявила интерес к деду Андрею...
- Ох... – обронил дед и тут же умолк.
- Нам нужно торопиться с решением, – напомнил инженер.
- Да чего там! – махнул рукой Степан. – Придумано ловко, значит, должно сработать. Если дед боится – я за него пойду.
- Ну нет! – неожиданно воспротивился дед Андрей. – Обчество решило, что я буду выманивать, поскольку мне сподручнее. А ты, Степа, обожди пока в сторонке.
- Значит, решили? – Инженер в упор поглядел на Жбанкова, прося последнего благословения.

Купец кивнул, испытывая какое-то непонятное беспокойство. И тут понял – выручка! Она осталась в его номере, в железном ящике! По своему опыту он знал, что, когда начинается такая круговерть, денежки лучше держать при себе. Надежнее.

– Обождите, – сказал он. – Я должен до своего номера добежать. Деньги там остались да и бумаги. Возьму на себя их от греха... Мало ли что будет.

– А может, не нужно сейчас? – разумно возразил инженер.

– Ничего. Тут совсем рядом по коридору. Я мигом обернусь.

Жбанков свернул в коридор и припустился со всех ног. Шаги гулко отражались от стен, страх нагнетал видения, и в каждой тени мерещилась опасность. Петр Алексеевич нашел свой номер, захлопнул за собой дверь. Вещи, оставленные им, все так же пребывали на своих местах. Их не касались те страсти и ужасы, что происходили за стенами. Если раньше вещи дарили чувство успокоения и уюта, то теперь они пребывали совершенно безразличными к своему хозяину. И саквояж, и зеркало для бритья, и книги, и чернильный прибор в своем молчании как бы выражали: выпутывайся, дескать, сам, мы тебе теперь не помощники. Ты бегай, рискуй, пугайся, а мы уж здесь полежим, подождем, чем все кончится.

Жбанков, не обращая внимания на тихое предательство вещей, открыл железный ящик, сунул в один сапог пачку денег, в другой – тетрадь с записями. Теперь – обратно.

Он уже не мог полагаться на свой слух, ибо отовсюду ему мерещились умопомрачительные звуки – тум! тум! тумммм! Страх бежал вслед, хватал за пятки, морозил спину деда-ным дыханием. Пустой коридор растянулся на целую версту...

Наконец Жбанков оказался среди своих, встал, переводя дыхание.

– Все! Теперь можно начинать.

– Тс-с-с! – предостерег его инженер.

Купец заставил свои уши насторожиться. Тум! тум! тумммм! – услышал он.

– Бродит где-то, – прошептал дед Андрей с суеверным трепетом, – носит его нелегкая.

– Где же Вавила? – забеспокоился Гаврюха. – Уж сколько времени прошло.

– А он-то куда пропал? – удивился купец.

– Неизвестно. Как вы про деньги заговорили, так он тоже засуетился, засобирался.

– Одно слово – бесноватый! – Дед в сердцах сплюнул. – Нашел, понимаешь, время бегать.

– Без него начинать нельзя, – сказал инженер. – Пропадет ведь один.

– Послушайте! – произнес вдруг испуганным голосом Гаврюха. – Это правда или мне кажется?

Это была правда. Неподалеку раздавались отчаянные крики. Несомненно, Вавила звал на помощь.

– Да что ж творится! – бессильно простонал Гаврюха.

– Я пойду, – угрюмо сообщил Степан и шагнул в сторону коридора.

– погоди. – Жбанков ухватил его за плечо.

– Спасите! Христа ради, спасите! – доносилось из коридора.

В следующий момент показался Вавила собственной персоной. Он на полусогнутых ногах трусил по коридору, поминутно спотыкаясь и падая, прижимая к своей груди небольшой, но, видимо, очень тяжелый сверток. Лицо мужика было серым от страха.

В первую секунду команда растерялась. Ужас передался всем без исключения, и все только и ждали, когда же и они увидят причину такого испуга Вавилы. Хотя причина была в целом ясна – тяжелые каменные шаги звучали где-то совсем близко.

И тут Меринов опомнился.

– Уходите! – крикнул он, а сам подскочил к люку и начал лихорадочно завязывать на себе веревку. – Уходите в любую кабину, запирайтесь. Степан, возьми Вавилу, тащи его туда же!

Тум! тум! тумммм!

Бессловесное изваяние наконец появилось из-за поворота и предстало во всем своем ужасном обличье. Все так же неторопливо и уверенно шагало оно, проминая железный пол ногами-тумбами, и не более восьми-десяти шагов отделяло его от объятых ужасом Вавилы. Тот мог бы с легкостью убежать, но ноги уже не слушались, а тяжелый сверток делал движения неловкими.

– Помогите! – вскрикнул мужик и опять грохнулся на пол ничком, запутавшись в собственных ногах. Степан сорвался с места. Однако уже всем было ясно, что он не успеет. Идол споткнулся о тело Вавилы, отчего оно отлетело чуть вперед, затем снова пнул его и, наконец, пошел прямо по нему. Раздался ужасный треск ломающихся костей, Вавила коротко вскрикнул и замолчал, теперь уж навсегда.

Между тем сверток выпал из его мертвых рук и лопнул. По полу со звоном покатались небольшие блестящие кружочки.

– Червонцы! – ахнул кто-то.

Тело мужика еще некоторое время моталось под ногами истукана, оставляя пятна крови на полу, затем отвалилось в сторону.

Глядя на это, команда словно забыла о смертельной опасности. Гибель Вавилы все наблюдали от начала до конца, и никто не мог тронуться с места, пока не стало ясно – все кончено.

– Да что же вы стоите! – завопил инженер. – Прочь немедленно отсюда! Я сам все сделаю!

Благодаря этому крику Степан очнулся первым, сгреб всех своими огромными руками и толкнул к двери ближайшей кабины. Никто и моргнуть не успел, как все оказались в полумраке, за железной дверью, окруженные целым букетом различных складских запахов. В двери было крошечное стеклянное окошечко, и команда немедленно столпилась возле него, ругаясь и отталкивая друг друга. Всем не терпелось видеть, как Меринов будет побеждать каменного болвана.

Идол между тем преспокойно шествовал к той самой двери, за которой укрылись люди. На привязанного инженера он не обратил внимания.

– На меня идет! – бормотал дед. – Как есть, меня ищет.

– Что ж инженер медлит! – хныкал Гаврюха, нервно подпрыгивая на месте.

Идол был уже в пяти шагах, когда Меринов справился с пружиной. Тяжелая заслонка люка вздрогнула, покачнулась – и раскрылась настежь. В ту же секунду раздался зловещий свист, и многие почувствовали, как тяжело становится дышать. Через открытое отверстие из снаряда пошел воздух. Истукан накренился и, с грохотом упав на железный пол, покатился к люку. В следующую секунду он застрял, попав поперек выхода. Привязанный Меринов как-то исхитрился упереться спиной в стенку, а ногами изо всех сил пропихнуть истукана чуть вперед. Еще мгновение – и каменного изваяния в снаряде не стало. Он безвозвратно улетел прочь вместе с потоком воздуха. Меринов уже почти бессознательно дернул рычаг и захлопнул заслонку. И тут же лишился чувств, повиснув на веревках.

Со всей командой также творилось неладное. Все были бледны, с красными глазами, все чувствовали необычайную слабость, а у троих шла кровь из носа и ушей. Никто не мог понять, отчего это происходит, поэтому было особенно страшно. То ли идол наслал напоследок какое-то колдовство, то ли из окружающего пространства через открытый люк пришла неведомая зараза.

В коридорах стало весьма прохладно. Гаврюха со Степаном отвязали инженера от стены, опустили на пол, положив под голову свернутую поддевку. Он сразу пошевелился, обхватил голову руками, потом провел ими по лицу, размазав вытекшую из носа кровь.

– Где он? Где? – сразу заговорил инженер.

– Лежи, Капитон Сергеевич, – Степан постучал его ладошкой по груди. – Нету больше истукана.

– Все кончилось хорошо, – добавил Жбанков. – Спасибо тебе, Капитон Сергеевич. Спас ты всех, и будет тебе от меня особая за это благодарность.

– Оставьте, Петр Алексеевич, – слабо проговорил Меринов. – Жизнь – лучшая благодарность.

Полежав еще с минуту, инженер нашел силы подняться.

– Что ж... Надо возвращаться в залу. Боюсь, ремонту много будет.

– Вот она – жизнь наша, – вздохнул дед Андрей. – Мы на мертвого чужеземца грешили, а у нас, оказывается, живой каменный идол имелся.

– Надо бы отнести Вавилу, – угрюмо сказал Степан. – Положить их рядышком – пусть вместе теперь лежат.

Оказалось, идол почти ничего в общей зале не испортил. Только перевернул одно кресло, которое тут же без труда водрузили на место. Убедившись, что все механизмы пребывают в исправности, Меринов отправил Степана с дедом осмотреть все помещения и проверить, нет ли где незамеченной поломки. Те прихватили инструмент и без лишних разговоров ушли в железные недра.

Жбанков прошел в свой номер, чтоб тихо полежать и успокоить нервы. Личные вещи опять стали родными и уютными, они словно улыбались и радовались возвращению хозяина. Но Жбанков, не замечая их лицемерной радости, думал прежде всего о деле. Он рассуждал: вернуть ли ему деньги и бумаги обратно в ящик. Решил, что, пожалуй, не надо. После всего, что было, в сапоге им спокойнее.

Едва лишь он опустился на койку, как из коридора послышались крики. Купец чертыхнулся и вышел наружу. Сразу увидел деда.

– Ну, что шумишь? – нахмурился Жбанков.

– Идол! Идол-то!.. – Дед никак не мог закончить мысль.

– Что? – тихо проговорил Жбанков, и внутри у него все затряслось: неужели опять?!

– Летит! За нами летит!

– Откуда ты можешь это знать?

– Да сам видел. И Степан видел, через окошечки.

– Может, почудилось?

– Да если б так...

Очень скоро все лично удостоверились, что дед говорит истинную правду, а не придумывает и не бредит на почве пережитых страшных событий. Через стеклянное окошко возле запасного люка, если скосить глаза, можно было разглядеть продолговатую каменную глыбу с ртом-дыркой, которая неслышно скользила за снарядами в черной пустоте. Зрелище было жутким и всех повергло в удрученное настроение.

– Может, – недоуменно хмурился инженер, – это есть следствие двигательной инертности? Хотя он должен был удаляться от нас под углом... Но с другой стороны...

Никакой ясности его лопотание не принесло, наоборот, всех еще больше испугало. Было видно, что на этот раз Меринов полностью сбит с толку и его научные фразы есть не более чем пустой шум.

– Ну да пусть себе летит, – махнул он рукой. – Там он для нас не опасен. Только вот что... Пускай Гаврюха иногда сюда приходит и поглядывает. Если будут замечены какие-либо изменения, следует сразу мне доложить.

Странное событие не помешало Жбанкову вернуться к себе и так крепко уснуть, что не увидать даже снов. Хотя сны в таких ситуациях бывают весьма оригинальными и экзотическими, если не сказать хуже. Впрочем, перед самым пробуждением купец уловил в своей

сонной душе какой-то грохот, отчаянные крики... Проснувшись, он умиротворенно вздохнул и поздравил себя с тем, что все страшное уже позади.

Бодро вскочив с койки, Петр Алексеевич посмотрел вокруг себя и... застыл с открытым ртом. В помещении был полный кавардак. Повсюду валялись незнакомые, чужие бумажки, вещи, предметы туалета. Две серые портянки вульгарно висели прямо на спинке койки. Похлопав глазами с минуту, Жбанков вдруг весело рассмеялся. Оказалось, утомленный и расстроенный минувшими событиями, он проявил невнимательность и уснул в номере своего приказчика Гаврюхи. А тот – либо постеснялся разбудить, либо вообще здесь еще не появлялся, проводя время в общей зале.

И тут он совершенно явственно услышал истерический голос своего приказчика, донесшийся из-за дверей:

– Рвет железо! Железо рвет! Где инженер?!

– Что там такое? – пробормотал Жбанков, еще не особенно волнуясь.

Он толкнул дверь и выглянул в коридор. Сначала ему показалось, что там царит тишина, не считая шума горящего в топках пороха. Но потом сквозь этот мерный гул проступили встревоженные голоса, очень слабо слышимые. Трудно было даже понять, откуда они идут, с какой стороны. Недолго думая, Петр Алексеевич отправился в сторону общей залы. И, почти достигнув цели, вдруг обнаружил, что коридор наполовину перекрыт толстой железной перегородкой, которая продолжала медленно выползать из особого паза в потолке. Промедли купец еще минуту, и перегородка совершенно закрыла бы ему проход. Но Жбанков вовремя опомнился и успел проскочить под ней. Еще несколько шагов, поворот – и он в общей зале.

Петр Алексеевич чувствовал горячее желание учинить всем допрос, что такое опять происходит вокруг, он открыл даже рот, чтоб начать, как говорится, от прохода.

Но рот его так и остался открытым, ибо общая зала была совершенно пуста. Кожаные кресла сиротливо стояли перед железными тумбами с рычагами.

Жбанков обвел языком пересохшие вдруг губы. Раздумывать было некогда да и не о чем, поэтому он поспешно бросился обратно в коридор. Но, увы, лишь наткнулся там на выросшую из потолка перегородку, уже полностью закрывшую проход. Какое-то неведомое чутье подсказало Жбанкову, что он один попал в беду, что ему непременно нужно быть сейчас там, где вся команда. А она, вернее всего, пребывает в настоящий момент в районе грузовых кабин. Больше ей просто негде быть, снаряд не такой уж большой.

Память быстро подсказала, что из общей залы есть запасный выход – толстая труба. Купец вернулся, нашел люк. Казалось, темнота внизу стала еще гуще, но он решительно погрузился в нее, прыгнул с лестницы...

Пройдя с десятков шагов, Жбанков попал в тупик. В трубе тоже сработала какая-то перегородка, закрыв последний путь для бегства.

Он бессильно опустился на пол, сжав лицо руками. Сердце стучало, будто хотело настучаться впрок, на случай, если больше не придется ему уже стучать. Жбанков ни секунды не сомневался, что произошло нечто ужасное и что сам он сейчас на краю гибели.

Сидеть – бессмысленно. Ходить, искать – некуда идти. Он вернулся в общую залу. В сердце тлела надежда, что сейчас он вылезет – и увидит всех на своих местах: Меринова, Степана, Гаврюху, деда Андрея... Впрочем, разум беспощадно твердил, что надежды эти тщетны. Откуда бралась такая уверенность, Петр Алексеевич и сам не знал.

Конечно, в зале оставалось все так же пусто. Рычаги торчали из тумб и из пола, как мертвый лес. Огоньки мигали отчужденно и холодно, как и звезды в маленьких окошках из каленого двойного стекла.

Жбанков подошел к одному из окошек, выглянул. Там был только мрак и холод. Хоть бы один живой огонек, хоть бы единственный след человеческий...

Снаружи, рядом с окошками, купец увидел приделанные на железных стержнях небольшие зеркальца. Меринов предусмотрел их, чтоб иногда можно было глянуть на снаряд как бы чуть-чуть со стороны. Посмотреть, убедиться, что все в порядке, – и спокойно лететь себе дальше.

Жбанков посмотрел в зеркальце и увидел, что снаружи «Князь Серебряный» выглядит весьма безобразно. Краска облетела и кое-где торчала грязными лохмотьями, цвет стенок был совершенно непривлекателен. Ему вдруг показалось странным, что сейчас его беспокоят такие пустяки, как внешний вид снаряда. А впрочем, о чем еще думать?

Насмотревшись, он побрел в другую сторону, где также было окошко и зеркало снаружи. Звезды ничем не отличались от прежних. А вот в зеркале открылась совсем другая картина. И была она настолько невероятной, что у Жбанкова мороз пошел по коже.

Он увидел идола. Тот висел рядом с потрепанным телом снаряда и кромсал на нем железную оболочку. Часть ее уже торчала наружу, вместе с паклей и старыми тряпками, которыми были утеплены стенки, будто лепестки дикого некрасивого цветка. Идол медленно шевелил своими неловкими руками, ударял ими по снаряду, и от этих ударов железо рвалось, как бумага.

Сначала Петр Алексеевич испугался, что сейчас каменный истукан совершенно испортит снаряд, так что невозможно будет продолжать полет. Затем пришла догадка еще более ужасная: ведь он проделывает себе дыру, чтоб проникнуть к людям и снова начать свои бесчинства!

Купец продолжал глядеть, как идол бьется о снаряд. С каждым ударом его длинное тело погружалось в дыру все глубже, но все еще недостаточно, поэтому он продолжал свои разрушительные действия.

Это был предел всему: и терпению, и надеждам, и остаткам мужества. Несомненно, избавиться от каменного убийцы больше не будет никакой возможности. Петр Алексеевич уже ощущал, как трясутся его коленки, а в голове меж тем витали трусливые мыслишки: а может, идол пойдет туда, где народу больше, а может, минует его, Жбанкова, своим вниманием? Однако и эти стыдные надежды ни на минуту не успокаивали.

Пришло в голову нелепое опасение, что истукан сейчас заметит наблюдающего за ним Жбанкова и направится к нему, станет долбить стеклянное окошко. Он торопливо отошел от окна на середину залы, осторожно сел в кресло, не задевая настроенных рычагов.

Как жаль, что рядом нет ни единой живой души. Как жаль, что некому похлопать по плечу, сказать, мол, не тужи, купец Жбанков, не такие мы еще беды в жизни видали... И пусть слова эти будут напрасны, ибо беда пришла самая что ни на есть страшная, но все же живое слово очень нужно человеку в таких обстоятельствах. Железные стены и огоньки на тумбах ничем не смогут ему помочь.

Он бросил взгляд на бесполезное железное хозяйство и вдруг заметил радио. Взял в руку круглую штуку на резиновой трубочке, похожую на чайное ситечко.

– Эй! – слабым от безнадёжности голосом произнес он. – Кто-нибудь живой слышит?

И тут, к его удивлению, радио ответило. Сначала прозвучал резкий, царапнувший уши хрип, а затем донесся и голос.

– Петр Алексеевич! – Это был, без сомнения, инженер Меринов. – Петр Алексеевич, где вы?

– Я... Я здесь! В общей зале сижу, – ошалело заговорил купец.

– Петр Алексеевич, дорогой вы наш. – Голос инженера был безрадостным. – Беда случилась.

– Да я понял, – вздохнул купец. – Сам видел.

– Нет, вы не поняли, и не знаете вы главного, – продолжал Меринов каким-то замогильным голосом. – Мы-то уже в спасательной люльке сидим, а вы... А до вас мы добраться, видит бог, не сможем.

– Да как же? – изумился Жбанков. – Вы же рядом, и я вас слышу.

– Все перегорожено, Петр Алексеевич, и ни одной лазейки нет.

– Петр Алексеевич, миленький, мы же вас искали! – вмешался плаксивый голос Гаврюхи. – И где ж вы только пропали?

– Обожди, Гаврюша, дай дело решить. Слышь, Капитон Сергеевич, я и сам знаю, что перегорожено. Ну а если эти перегородки как-то приподнять или продолбить?

– Идол, лопни его брюхо, пропорол корпус, и теперь там холод стоит страшный, да и воздуха нет, весь через дырку вышел.

– Слышь, Меринов, – Петр Алексеевич вдруг почувствовал, что глаза его промокли, – потерплю я холод. А воздух... Ничего, в детстве в речку нырял – нос затыкал и глаза жмурил.

– Это совсем не то, что речка, – глухо произнес Меринов. – Там вы и секунды не проживете, Петр Алексеевич. Поверьте, если б была какая возможность, уж я б вам сообщил.

– Ну, как же так, – безжизненно проговорил Жбанков, вытирая слезы рукавом.

– Видать, судьба, Петр Алексеевич. Если б вы сразу ста рублей не пожалели на железный костюм с дыхательной трубкой, тогда был бы шанс. А сейчас нет шанса. Ни единого. Снаряд летит прямо к Земле и через полдня врежется в нее.

– Так что ж теперь? Может, остановить снаряд? Помнишь, ты мне рукоять указывал?

– Порох гасить резона нет – он сейчас на торможение работает. Благословите нас, уважаемый Петр Алексеевич. Без вашего благословения мы улететь не сможем.

– Ладно. – Купец собрал остатки мужества. – Идите с богом. Поспешайте только, пока истукан и до вас не добрался. Гаврюша, ты слышишь?

– Слышу, – печально ответил приказчик.

– Супруге моей – от меня поклон. Скажи, пусть не убивается, потому что сам я свою судьбу выбрал. Жаль, выручку передать не смогу, ну да ладно.

– Обидно нам, Петр Алексеевич, – снова заговорил Меринов. – До дому нам не более полудня пути осталось. И тут такая беда.

– Ничего, Капитон Сергеевич, не плачь за меня. Гаврюша! Супруге моей скажи, чтоб инженера достойно наградила. В комоде у меня кое-какой капитал отложен, так пусть выделит ему. И мужикам тоже, пусть не поскупится. Прощайте, братцы, и спасибо вам.

Все очень тепло распрощались со Жбанковым. Было слышно даже, как мужики плачут. Инженер пока не прощался. Он еще кое-что хотел добавить к сказанному.

– Петр Алексеевич, – нерешительно проговорил он. – Не хочу я вас зря обнадеживать, но... Быть может, успеем мы до дому добраться и всех предупредить о вашем несчастье. Возможно, там смогут вам помощь выслать. Но вряд ли... Непростое это дело, да и времени совсем не осталось.

– Ничего... Не терзай себя, инженер. Будь что будет, одним словом.

Жбанков, окончив разговор, подошел к окошку. Отсюда было видно, как небольшая железная люлька с коротким огненным хвостом уносится прочь, к дому. Жбанков смотрел ей вслед и думал о своих людях. О том, что вскоре они вернутся, будут опять жить по-прежнему, бродить по улицам, здороваться с соседями, заходить в кабаки. Дорого сейчас отдал бы купец, чтоб по-простому пройти по улице своего городка. Но нечем за это платить, а те деньги, что спрятаны за голенищем, никакой цены уже не имеют.

Жбанков сидел в кресле, погрузившись в необычное полусонное состояние. Голова при этом была ясной, как воздух в морозное утро. Его посещали разные видения. Вот его супруга сидит у окна с самоваром. Вот стряпуха догоняет бойкую курочку, назначенную в суп. А вот

лавочники и коробейники толпятся у ворот складов, трогая свои кошельки и судача о ценах на муку и сахар...

Пришла к нему и иная картина. Как собирается на заречных лугах народ, чтоб встретить из путешествия купца Жбанкова. Рассаживаются на траве старики, поджигают свои цигарки. Прохаживается околоточный надзиратель, смотрит за порядком. Отдельно в своей коляске сидит помещик Дрожин, грея за пазухой обещанный бутылек с наливкой. Все глядят в небо, волнуются, ждут, когда из-за облаков появится уставший от дороги «Князь Серебряный».

А вместо этого – вдруг огненный дождь. И кричат люди, разбегаются в разные стороны, пылают скирды по краям луга, хватается за голову помещик Дрожин, падает без чувств супруга...

Все это видел Жбанков как бы со стороны. Словно сам он не только участия не принимал, но и вообще к происходящему не имел отношения. Поэтому был он, на удивление самому себе, очень спокоен.

«Жаль, другим плохой урок преподам, – подумал он. – Тем, кто после меня мог бы полететь».

Без всяких особых чувств осознал он и тот факт, что из недр летящего снаряда все громче и громче доносится постороннее громохание. Сомнений не было: истукан проник уже вовнутрь и теперь крушит стены. Скоро доберется и до общей залы.

Петр Алексеевич нехотя поднялся и пошел в кладовую. Там нашел он тяжелый лом, забрызганный известкой, взвесил на руке, задумался. Пойдет, решил он.

В полном спокойствии прошел в коридор, остановился перед перегородкой. Потолкал ее ногой. Железо было прочным, но если хорошо размахнуться да не один раз ударить, тяжелый лом его, пожалуй, прошибет. И дело с концом. Незачем терзаться, ожидая, пока идол загребет тебя в свои каменные руки. Как там Меринов сказал – и минуты в дырявом снаряде прожить не можно. Оно и к лучшему.

И уже совсем было решился купец ударить острым ломом по молчаливому железу и положить всему конец, но тут принял во внимание, что грохот, сопровождавший пришествие истукана, отчего-то стих. Жбанков этому пока не удивился и не обрадовался, а просто прислушался. И вместо ожидаемого лязга за перегородкой услышал почему-то некий хрип и шорох. Причем у себя за спиной!

Это, несомненно, работало радио. Жбанков отшвырнул лом и бросился в залу. Он пока ни на что не надеялся, а просто желал услышать живой человеческий голос и, возможно, самому что-то сказать напоследок.

– ...»Князь Серебряный»... «Князь Серебряный»... – вещало радио чужим незнакомым голосом. Сначала Жбанков не разобрался, о каком князе еще может идти речь, но потом понял: его собственный снаряд так наречен.

– Кто говорит? – выпалил он, схватив в руку «чайное ситечко».

– «Князь Серебряный» – это вы? – спросил голос.

– Точно так, а кто говорит?

– К вам обращается тайный советник Моршанский из Всемирного российского консульства. Могу ли побеседовать с командиром экипажа?

– Нет тут уже никаких командиров, – угрюмо ответил купец.

– Виноват, не понял вас.

– Я говорю, несчастье у нас случилось. Вся команда спаслась на железной люльке, один я остался. Я – купец Жбанков, хозяин снаряда.

– О-о... Очень сожалею. Надеюсь, никто не пострадал?

– Кое-кто и пострадал. А я уже и с жизнью простился.

– Помилуйте, голубчик, не торопитесь с жизнью прощаться! Я для того с вами разговариваю, чтоб «Князя Серебряного» встретить и препроводить на посадку со всеми предосторожностями.

– Да неужто?! – выдохнул купец.

– Именно так! Но прежде позвольте проявить интерес: здоровы ли его величество принц Муздрандковский Эрхваал Ланнотарио Ннусимун?

– Как вы сказали? – удивился Жбанков. – Какой такой принц? У нас никаких принцев не имелось.

– Но как же? К вам же в порту подсадили пассажира. Мы точные сведения о том имеем, нам по радио передали. Принц направлялся в Петербург с важной дипломатической миссией, и его ждут с великим нетерпением.

– Боже праведный, – прошептал Жбанков, догадавшись, о чем идет речь.

– Так могу ли узнать, здоров ли принц?

– Принц-то? Боже мой... Несчастье, ваша светлость! Ныне ваш принц – покойник, и лежит он в грузовых кабинах.

Радио надолго замолчало. Стали слышны посторонние шумы в пространстве.

– Что вы такое говорите, господин Жбанков, – оторопело проговорил Моршанский. – В своем ли вы уме? Как могло такое случиться?

– Несчастье, ваша светлость. Зачем же нам сразу не сказали, что этот вислоухий – принц?

– Из одних только соображений секретности, господин Жбанков. Но простите. Отчего вы сказали «вислоухий»?

– Я и говорю. Принца вашего вислоухого наш мужик по неосторожности зашиб. – В эту минуту Жбанкову не хотелось уже никакого спасения, а хотелось лишь избавиться от такого стыда. Однако он продолжал: – А идол каменный, что с ним в багаже был, вдруг взбесился и весь снаряд нам покалечил, и мужика этого умертвил.

– Идол? – еще раз удивился советник. – Я, признаться, не очень вас понимаю.

– Да-да! Теперь идол ко мне подбирается, и сделать ничего нельзя, только молиться...

– Идол... – хмыкнул советник. И вдруг стало слышно, как он хлопнул себя по лбу и рассмеялся. – Ах идол! Ну, теперь ясно. Сдается мне, вы ему, идолу, серных шариков не давали?

– Шариков? – озадаченно переспросил Петр Алексеевич.

– Да, знаете ли, таких желтых шариков, что у «вислоухого», как вы изволили выразиться, в набрюшной сумке были. Верно?

– Да, были какие-то шарики. – Купец наморщил лоб.

– Вот потому идол вас и преследовал, что шариков ему хотелось. У него и в мыслях не было вред вам причинять. Просто без шариков он становится очень нервный и даже начинает несколько... э-э-э... своеобразно пахнуть. А тот, как вы говорите, «вислоухий», эти шарики высиживает, как курица – яйца. Вот они так вместе и существуют.

– Э-э... Э-э... – замычал Жбанков. Слушая этот удивительный монолог, он решил было, что чиновник сам от огорчения рехнулся.

– Слушайте меня внимательно, – продолжал Моршанский. – За «вислоухого» не волнуйтесь, это невелика важность. Он – всего лишь неразумное существо, вроде наших домашних собачек. А вот каменный идол, как вы изволите называть, это и есть принц Муздрандковский Эрхваал Ланнотарио Ннусимун!

– Идол – принц?!

– Именно так. Значит, говорите, он жив-здоров и теперь к вам пробирается?

– Возможно, что так.

– Не волнуйтесь. Он не причинит вам вреда. А если он и доставил вам неприятности, то, поверьте, только от незнания наших обычаев. Ущерб вам возместит консульство.

– Вот как? – с сомнением проговорил Жбанков, думая, можно ли считать разорение корабля и убийство Вавилы «неприятностями».

– Будьте целиком спокойны. Дайте ваши координаты, и через полчаса спасательная команда снимет вас вместе с принцем с гибнущего снаряда. Средства спасения у нас имеются.

– Координаты? – жалобно проговорил Жбанков. – Да я в этом ни капли не смыслю.

– Тогда просто не выключайте радио, и мы вас найдем. Самое большее – через час. Итак, уважаемый господин купец, до скорого свидания!

Жбанков вскочил с кресла, взволнованно закружил по зале. Он словно помолодел лет на двадцать-тридцать. Все стало радостным, светлым – даже огоньки на тумбах заморгали эдак по-свойски. И выручка за сапогом уже не моталась бесполезным предметом, а приятно грела, как и полагается. Весь мир стал другим.

И в тот момент новое видение посетило купца. Снова увидел он заречные луга, как собирается там народ встречать его. И вот раздвигаются облака, и появляется из них, сияя гордым светом, «Князь Серебряный». И все кричат, ликуют, поют песни и бросают навстречу цветы. И помещик Дрожин неуклюже спрыгивает со своей коляски и бежит навстречу, радостно помахивая бутылкой с наливкой.

– Ну что, брат, – говорит он. – Наслышан я про твои зловключения. Небось после такого ужаса больше ни ногой на эти самые планеты, а?

– Да нет, брат, – ответит ему Жбанков. – Не угадал. Все как раз наоборот. Снова полечу. Потому что всегда зовет дорога. Потому что таков мой характер купеческий. Вот так-то, брат Дрожин.

Петр Алексеевич улыбнулся таким мыслям и сел в кресло, положив на колени свои часы. Ждать освобождения оставалось, если не соврал советник, меньше часа.

ОТПУСТИ ЗВЕРЯ

В разгар лета разморенная земля тяжело дышит. Горячие автострады тянутся по ней, как высунутые от жары языки. Мчатся озверевшие машины и еще больше звереют от бессилия понять: отчего хозяева-люди в такую жару стремятся ближе к экватору, где еще жарче? Машинам тяжело. Люди не придумали для них ничего лучше водяного радиатора. Он, конечно, не идет ни в какое сравнение с потовыделяющей системой охлаждения приматов.

Прокаленный солнцем инспектор дорожной службы стоит на обочине в тени молодой березки и наблюдает, как плывет и растекается потоками плавленный воздух. Машины с жутким ревом несутся мимо, смердят, сотрясают землю. Он смотрит на них без выражения. Так старое дерево может глядеть на степь, посреди которой оно родилось и простояло свои пятьсот лет. Но инспектору не позволена роскошь слишком долго стоять без всякого полезного дела. Правая рука с жезлом начинает движение от пояса, замирает на секунду параллельно земле, а затем следует вялая отмашка вправо, в сторону обочины.

Темно-синий джип с могучим четырехлитровым двигателем останавливается, пропылив еще десяток метров, скрипнув бортами прицепа.

В кабине двое мужчин. Инспектор проверяет документы. Они такие же горячие, как и все вокруг.

– Куда?

– На море.

Инспектор едва заметно кивает, возвращая документы.

– А там что? – Он сонно смотрит на прицеп.

– Шмотки, палатка, лодка резиновая.

– «Дикари», что ли?

– Ага.

– Осторожнее. Утром «девятка» влетела под самосвал. Четыре покойника. Как и вы, на море ехали.

«Тоже мне, «дикари», – размышляет инспектор, глядя, как машина растворяется в пыльной дали. – На джип у них деньги есть, а на нормальный дом отдыха не собрали?»

Инспектор не впервые видит «дикарей». В день их проезжает мимо него сотни. Но он не знает, что на самом деле кроется за этим расхожим понятием. И вряд ли когда-то узнает...

* * *

– Надо же! – расхохотался Колян, выруливая на середину трассы. – Даже ботвить не стал. У меня для гаишников всегда отложено, чтоб времени зря не терять. Я уже привык – они, как мой джип засекут, сразу за деньгами подходят.

– А он услышал, что «дикари», и решил, что с нас взять нечего, – охотно поддержал веселье Гоша.

Колян был большой, веселый, простой, как доска. И очень денежный. Гоша испытывал рядом с ним комплекс неполноценности и пытался оправдаться за то, что его – неприметного инженера-конструктора – взял в свою компанию сам Колян. Это нужно было отработать сполна, показав себя классным компанейским парнем, с которым нескучно путешествовать.

Хотя на самом деле все было наоборот. Это Гоша рассказал своему бывшему однокласснику Коляну про традицию ежегодно ездить «дикарем» на юг, где его ждала встреча с такими же чудаками-единомышленниками. Тому идея неожиданно понравилась: «А че! На моем джипе и поедem!»

– Только дикари на таких тачках не катались! – опять захохотал Колян, и Гоша незамедлительно заржал, демонстрируя полную солидарность. – Наши пацаны, – продолжал хозяин джипа, – кто на Канары, кто на Гавайи. Ну, кто совсем нищий – те в Болгарию или там в Ялту... А тут я говорю – «дикарем» на море поеду. Они сразу так и осели. Потом говорят: это круто. Приедешь – расскажешь. Может, через год вся братва с нами рванет!

Гоша силился как-нибудь сострить в ответ или рассказать такую же замечательную историю, но никак не мог. Поэтому ему оставалось лишь подхватывать смех, от которого уже сводило челюсти.

– Ну ладно, – прекратил шутить Колян. – Где там твой профессор?

Гоша с готовностью вытянул шею и завертел головой, словно мог проглядеть что-то сквозь горизонт.

– Сказал, будет ждать у поворота. Только он не профессор. Академик...

– Не опоздает? Ждать не люблю.

– Не должен, – встревоженно произнес Гоша. Ради того, чтобы Коляну не пришлось ждать, он готов был уехать без академика. На фоне Коляна ученый-пенсционер бледнел вместе со своими регалиями и заслугами.

Через тридцать минут машина выехала к повороту. Он издалека узнавался по столбу дыма от шашлычной и нескольким ярким киоскам. На автобусной остановке толкался народ, а чуть дальше сидел на рюкзаке седой академик в блеклой клетчатой рубашке и темных очках. Рядом громоздились два огромных тюка.

– Вот он! – радостно воскликнул Гоша.

– Ничего себе барахла набрал, – хмыкнул Колян.

Академик окинул машину и ее хозяина быстрым недоверчивым взглядом.

– Знакомьтесь, Сидор Рафаилович, это Коля, – засуетился Гоша.

– Колян, – подтвердил тот, протягивая растопыренную ладонь с двумя непомерными золотыми перстнями.

– Академик Крафт, – сдержанно представился Сидор Рафаилович.

– Ага, – Колян сунул пятерню в карман, выудил горсть смятых купюр и протянул Гоше. – На, добеги до палаток, возьми пивка, пожевать чего-нибудь... А я пока профессору багажник открою.

Через некоторое время машина вновь летела по шоссе, а в салоне булькало в открытых банках тепловатое пиво.

Академик был заметно напряжен. Гоша, конечно, предупреждал, что один хороший человек захотел влиться в компанию и даже согласился доставить на своей машине. Но Крафт не подозревал, что машиной окажется этот рычащий, вызывающе дорогой джип, а «хорошим человеком» – бритоголовый Колян с золотой цепью на шее.

– Вы взяли экипировку и оружие, Николай? – поинтересовался академик.

Колян нахмурился:

– А что, надо?

– Ну разумеется!

Колян сунул руку под сиденье и вытащил промасленную тряпку. Развернул. Внутри блеснул потертыми гранями старенький «ПМ».

Крафт широко раскрыл глаза и замахал руками:

– Что... Что это?! Вы с ума сошли!

Колян удивленно поднял брови:

– А чего? Взял вот, на всякий случай. Сами же спрашивали...

– Да я вас не про это оружие спрашивал! При чем тут пистолет? Мы же дикари, поймите! У вас должны быть дубина, копье, топор каменный, наконец. А вы мне что суετε?

Лицо Коляна расплзлось в нечаянной ухмылке. Он с недоверием посмотрел на Крафта.

– Дубинка? Че, в натуре дубинка нужна?

– Гоша, ну неужели вы ничего ему не объяснили? – всплеснул руками академик.

– Да объяснял...

Крафт некоторое время сокрушенно качал головой, потом заговорил веско и требовательно:

– Выслушайте меня внимательно, Николай, и постарайтесь следовать всему, что я скажу. Мы – дикари. Все эти две недели мы будем только дикарями, и никем больше, ясно? Жить – в шалашах и пещерах. Питаться – тем, что сами соберем и поймает. Одеваться лишь в естественное облачение – шкуры, власяница, рогожа. Огнестрельное оружие запрещено. Алкоголь и табак запрещены. Любые плоды цивилизации и контакты с ее представителями – строго-настрого запрещены.

Колян впервые посмотрел на попутчиков как бы с опаской:

– Вы чего, мужики, шутите?

– Я ж тебе все говорил, – робко пролепетал Гоша.

– М-да... Что-то говорил такое, но я ж не подумал, что всерьез.

Возникла долгая пауза.

– Ну ладно, – мрачно изрек Колян. – Мне – что. Мне только по приколу.

– А главное – строгая дисциплина, – продолжал Крафт. – Вождю племени нужно подчиняться беспрекословно. Покидать стоянку без его ведома запрещено.

– Как запрещено?! – опешил Колян. – И что же, думаете, я так и проторчу все время на вонючей стоянке, пока народ отдыхает? А на танцы сходить?

– Это не та стоянка, что вы думаете, – снисходительно объяснил Крафт. – Не автомобильная.

– Колян, там свои танцы будут, – добавил Гоша.

– Вокруг костра, что ли?

– Да... всякие. Тебе понравится, Коля.

Колян помолчал еще с минуту, хмуро поджимая губы и не отрывая от дороги взгляда, утратившего всякую веселость.

– Ну, вы даете... Надо же, отдых себе придумали. Племя какое-то, вождь... Шкуры – в такую жару.

Еще некоторое время он помалкивал, но затем стал опять веселым и бесшабашным парнем. Колян умел везде, почти в любой ситуации чувствовать себя хорошо. Новизна предстоящего отдыха его даже заинтересовала.

* * *

К середине второго дня в разрывах между горами заблестело море. Дальше путь пролегал вдоль побережья – мимо огороженных пляжей, утопающих в зелени домов отдыха, кипарисов, толп курортников, бредущих по извилистым улицам приморских городков. Колян искоса поглядывал вокруг и силился понять – на что он променял все это?

Вскоре после заката дорога привела в небольшую уютную рощу недалеко от берега. Здесь уже стояло с десятков машин, дымили костры, в полутьме какие-то люди разбирали палатки. Все напоминало обычный туристический лагерь, и Колян немного успокоился.

К Гоше и Крафту сразу подскочили люди, засмеялись, загомонили, принялись жать руки и хлопать по плечам. Из обрывков разговора было ясно, что все очень рады очередной встрече и все готовятся к какому-то событию, намеченному на ночь.

Колян прошелся было по лагерю, но никто не обратил на него особого внимания, поэтому он, обиженный, залез в машину и почти сразу уснул. Сказались два дня за рулем.

В середине ночи Гоша вдруг начал дубасить в стекло.

– Вот ты где! А я ищу. Скорей собирайся, сейчас уже начнется. Переодевайся, все уже там...

Колян спросонья не соображал, чего от него хотят, но все же вышел из машины и начал послушно переодевать себя в какие-то тряпки, которые Гоша доставал из прицепа. В темноте он не мог разглядеть свою новую одежду, но на ощупь она показалась ему колючей и какой-то несгибаемой.

– Вот еще, держи, – произнес Гоша и сунул ему в руки тяжелую свежеструганную палку.

– Куда мы? – спросил Колян.

– На стоянку. Все уже там, это ведь временный лагерь.

Колян наконец вспомнил, что стоянкой в школьных учебниках называли места обитания первобытных людей.

Потом они бежали среди деревьев. Колян едва успевал за Гошей и все время думал, как бы не свернуть себе шею в темноте. Неожиданно оба оказались на поляне перед огромным костром. Колян поморгал, привыкая к свету, и... остолбенел.

Он увидел племя. Не карикатурное дикое стадо, которое изображают в лагерях школьники, и не театрально-бутафорскую постановку, а самое настоящее племя – дикое, дремучее, злое.

Мужчины, женщины, дети – завернутые в невообразимые лохмотья, обросшие, нечесанные, размалеванные цветной глиной – бродили в свете костра, и даже в их походке сквозило нечто звериное. И тут Коляну пришло в голову осмотреть самого себя – он увидел, что сам такой же. Гоша дал ему дубину и шкуры – грубые шкуры со свалывшейся шерстью, от которой шел тонкий, но дрянной запах.

– Ну, вы даете, мужики, – сокрушенно проговорил Колян, которому больше всего сейчас хотелось прыгнуть в джип и умчаться куда подальше от этого маскарада сумасшедших.

– Сейчас начнется Приобщение – главный ритуал Праздника первого огня, – тихо сказал Гоша.

– Чего-чего?

– Тс-с...

Люди у костра начали расходиться широким кругом, и Гоша потащил Коляна к ним. Оба они заняли место среди прочих, и тут Колян заметил академика. Тот стоял внутри круга и был почти неузнаваем – Крафт обернул вокруг себя столько разных затейливых шкурок и тряпок, навешал столько амулетов, что совершенно преобразился. В руках он держал две веревки с нанизанными на них камнями.

– Эй, слышь? – Колян толкнул в бок Гошу. – А там остался кто-нибудь?

– Чего?

– Я спрашиваю, мою тачку не уведут, пока мы тут развлекаемся?

– Да нет. Не волнуйся, лагерь наши ребята стерегут.

И тут начало что-то происходить. Откуда-то взялся ритм – он родился словно бы из самого воздуха и сразу подчинил себе и людей, и пламя костра, и даже стоящие вокруг деревья. Кольцо людей начало медленно вращаться вокруг костра, и Колян волей-неволей пошел вместе со всеми.

Шаги становились все быстрее, переходя в скачку, академик семенил внутри круга и стучал камнями на веревках друг о друга. Дикари вдруг стали ритмично проговаривать какие-то незнакомые слова или просто звуки. Сразу забухали барабаны. Все шло по нара-

тающей – звуки, ритм, скорость... Кольцо дикарей вращалось вокруг костра, звуки странной песни разносились в темном пустом лесу и отчего-то вызывали мурашки на коже.

Некоторое время Колян сопротивлялся этому коллективному сумасшествию, хмурился, но потом понял, что больше не может. Пляска завораживала. Ноги сами подбрасывали тело, руки растопыривались, выделявая немыслимые движения. Через какое-то время Колян уже не хуже других скакал, размахивал дубиной и так же неистово выкрикивал звуки дикарской песни.

Самое странное, он понимал, что ему нравится это делать, что уже не нужно что-то другое. И еще – именно здесь, в племени, у ритуального костра ему так хорошо, как никогда не было.

К тому же справа от него прыгала и извивалась худенькая черноволосая девчонка лет двадцати. Она иногда бросала на него быстрые взгляды, и от этого в его груди пробегал волнующий холодок.

Все стало каким-то другим: и воздух с его запахами, и ветер, и небо. Краски природы и огня, очертания предметов смазались и поплыли, как при головокружении. Мир словно менялся.

Пляска продолжалась. Дикари скакали то в одну сторону, то в другую, меняли то ритм песни, то ее звуки, и это было здорово. Колян еще никогда – ни на какой оргии, ни на какой дискотеке – так классно не отрывался. На костре уже шипели огромные куски мяса, и хотя пахло от них похуже, чем, например, в ресторане, аппетит они возбуждали прямо-таки зверский.

Наконец все остановилось. Кольцо дикарей распалось, соплеменники переводили дыхание. Но меньше чем через минуту опять зашумели и бросились делить мясо. Колян бесцеремонно оттолкнул нескольких дикарей, ухватил хороший большой кусок и начал рвать его зубами, завалившись на прохладную траву под деревьями. Это было невиданное наслаждение. Ему даже не захотелось опрокинуть в себя пару стопок, как бывало на пикниках.

Рядом появился Гоша, бухнулся в траву, обгладывая еще горячую кость.

– Ну как? – поинтересовался он.

– Нормально.

– Тут про тебя уже спрашивают.

– Кто? – Колян насторожился.

– Да так. Все же видят, какой ты здоровый. А завтра – охота. Вот и интересуются, кто такой, откуда, с кем пойдешь...

– Охота... – хмыкнул Колян. – На кого тут, интересно, охотиться? На туристов?

– Не бойсь, будет на кого охотиться.

И тут со стороны костра послышались крики. Колян привстал и увидел, что неподалеку вспыхнула потасовка. Трое катались по земле и что-то вырывали друг у друга. В одном из них Колян с изумлением узнал Крафта.

– Эй! Гляди, гляди... Чего это они?

– А... – Гоша махнул рукой. – Мяса на всех не хватило, вот и дерутся.

– Да что ж они, не могут по-нормальному поделить? Солидные вроде дяди...

– А кто тебе сказал, что мы солидные? – Гоша искоса посмотрел на собеседника. – Мы – дикари, понял?

Через минуту Крафт поднялся и пошел прочь, с досадой выкрикивая что-то. Мяса ему не досталось.

– Позови сюда профессора, – проговорил Колян. – Я ему свою пайку отдам, что ли. Все равно уже наелся.

– Сидор Рафаилович, идите сюда! – крикнул Гоша.

Крафт принял у Коляна недоеденное мясо и принялся откусывать маленькие кусочки, продолжая что-то бормотать. Колян смотрел на него с любопытством. Тот заметил это и перестал есть.

– Что вы так глядите на меня, Николай? – с недовольством спросил он.

– Удивляюсь я на вас, – развел руками Колян. – Ни разу не видел профессора, который за кусок мяса глотку бы рвал соседу.

– Во-первых, я не профессор, – отозвался Крафт. – Во-вторых, здесь я тем более не профессор. Это дома я известный ученый, академик и все прочее, а сегодня истинное мое лицо – колдун племени. Мы для того и собрались здесь, чтобы это лицо показать.

– Истинное лицо?! – открыл рот Колян. – Значит, это ваше истинное лицо. Хм... То есть, я так понял, вы и лаборанту своему можете в ухо заехать, спокойно так нашатнуть? За кусок колбасы, да?

– Вы не понимаете, Николай, – проворчал Крафт. – Истинное лицо каждого человека – есть звериная пасть. Смысл не в том, чтобы задавить его в себе, а в том, чтобы не выпускать раньше времени. В каждом из нас сидит зверь, и на самом деле он правит нами. Если не выпускать его слишком долго, то он начнет выбираться малыми частями. И тогда происходит самое дурное – человеческая сущность растворяется в звериной, мешается с ней. А вот для того, чтобы, как вы выражаетесь, я не заехал лаборанту в ухо, мне нужно ежегодно приезжать сюда и отпускать своего зверя на прогулку. После этого он спокойно сидит во мне и не мешает заниматься делами. Он не мешает мне быть добрым, справедливым, спокойным. Он ждет новой прогулки.

– Ну, дела! – Колян потряс головой. – Значит, сегодня вы дубасили сотоварища, а завтра вернетесь домой, будете гулять с внучатками и учить их не обижать птичек с собачками?

– Именно так, Николай. И товарищ будет поступать точно так же. Мы становимся дикарями здесь, чтобы не быть ими там. А вам это не нравится? Вы предпочитаете, чтобы человек зверел ни с того ни с сего в самое неподходящее время?

– Да почему обязательно звереть? Если вы такие интеллигенты, то не зверейте вовсе. Живите по понятиям. Я вот не могу не звереть – у меня работа такая.

– А кем вы работаете, Николай?

– Я этот... как его... Бизнесмен.

– И что же, в вашей работе нельзя разве обойтись без гнева, ярости, рычания?

– Да вряд ли... Так иногда хочется поорать, так охота в рыло заехать этим уродам, которые... Ладно, вам это неинтересно...

– Вот видите, Николай, ваш зверь рычит и кусает окружающих, которые не хотят быть покусанными. И вы не в силах его удержать. Он вас просто не послушается. А мой зверь всегда на коротком поводке. Я занимаюсь его воспитанием – и это происходит здесь.

– Не знаю... – покачал головой Колян. – Не знаю, честно сказать, про что вы вообще говорите. Много я разных людей встречаю, и почти все – нормальные. Спокойные люди, понятно? Ни на кого они не бросаются и не кусают.

– Это вам так кажется, Николай, – усмехнулся Крафт. – У каждого есть свой зверь, просто вы его не видите. И каждый выпускает его, когда настанет недобрый час. Посмотрите вокруг – идет грызня. Один терроризирует подчиненных на работе. У другого нет подчиненных, и он срывает зло на жене. Кто не справляется с женой, тот орет на своих детей. Кто слабее детей, хамит и свинячит в общественном транспорте. Идет звериная битва, где каждый сам за себя. Если сосредоточиться, то можно услышать, как повсюду клацают зубы.

Колян задумался. С последними словами он был почти согласен. Он не отрицал, что имеет в себе некоторые зверские черты. Но считал, что это просто характер от природы. А вот так, чтобы каждый человек вдруг зверел ни с того ни с сего...

– Ну и что? – медленно проговорил он. – Можно подумать, что вы вернетесь отсюда домой такими добренькими, такими хорошенькими. И я с вами точно такой же, и орать перестану, да?

– Насчет вас – не знаю, Николай. А мы – да. Посмотрите вокруг – это все милейшие замечательные люди. Видите того бородача, который грызет кость? Он детский врач. Очень хороший врач. А его жена – она тоже здесь – режиссер народного театра.

– А я, значит, плохой?

– Я этого не говорил, Николай. Все зависит от того, насколько вам удастся главная задача – выпустить все звериное и не перемешать его с человеческим. Поймите меня правильно. Ударить человека дубинкой – это звериное. А выстрелить в него из-за угла – это уже человеческое. Здесь у нас дозволено быть жестоким, но это должна быть животная жестокость, а не человеческая.

– И чем она отличается?

– Человеческая страшней, отвратительней. Она замешена на корысти, на жалких страстишках, интригах, желании выпятить себя. У животных нет этого. Битвы за самку или за право быть вожаком стаи – совсем другое. Они продиктованы необходимостью, а не амбициями.

Колян помотал головой, не в силах сообразить все разом.

– Не думайте слишком много, Николай, – посоветовал академик. – Вы все поймете сами, когда придет время. Продолжайте веселиться – Праздник первого огня в самом разгаре...

* * *

Утро выдалось тихим. Колян с Гошей крались по залитому туманом лесу и вполголоса переговаривались. Ночь была полна плясок, веселья, шума, и поспать удалось самую малость – может быть, час... Но Колян не чувствовал себя усталым. Наоборот, хотелось действовать, бежать, прыгать и карабкаться. Каждый мускул был полон живой игровой силы. Коляну все больше нравилось быть дикарем.

– Я думал, море ближе, – сказал он.

– Не спеши. Будет море. Оно нам сейчас и не нужно. Думай лучше о деле.

Оба выслеживали животное. Охотники племени разбились по два-три человека и растянулись по лесу, чтобы по единому кличу молниеносно собраться в разящую яростную стаю и настигнуть добычу. Естественно, каждому хотелось первому увидеть животное. Колян, впрочем, воспринимал это как дурачество. Никаких животных, кроме бродячих собак, здесь, по его мнению, не водилось. Тем не менее игра была интересной.

Они вышли на террасу холма, на которой не росли деревья. Оба одновременно остановились, прислушиваясь и приглядываясь.

– А вон и море, – тихо проговорил Гоша.

Колян долго всматривался в клубы тумана, пока не заметил голубую искрящуюся полоску вдалеке. Море было далеко. Вчера вечером он был уверен, что оставил машину едва ли не на берегу, а сегодня все расстояния оказались смещенными.

– Эй! – встрепенулся он. – А там что? Пожар, что ли, гляди...

– Это не пожар. Это вулкан. Не бойся, он уже давно молчит, только дымится.

– Вулкан? – пробормотал Колян. – Откуда вулкан? Вчера же не было.

– Всегда был, ты просто не видел.

Солнце поднималось над горизонтом, и туман редел буквально на глазах. Вскоре можно было разглядеть еще троих охотников, которые также остановились на уступе холма и любовались морем. Было что-то завораживающее в этом молчаливом стоянии дикарей,

у ног которых расстилалась целая страна – и лес, и горы, и полоска моря, и даже вулкан. Впереди не было ни домов, ни кораблей на синих волнах. Колян даже обернулся, чтобы убедиться, что привычный мир никуда не делся.

Мир был на месте. Далеко на пологих склонах утопали в зелени угловатые корпуса гостиниц и санаториев с узкими глазами-окнами. Они были видны неясно, словно через матовое стекло. И дело заключалось даже не в тумане, мешающем видеть, а в чем-то еще.

Прошедшая ночь заглушила, почти отсекла память о том, что в мире есть что-то, кроме леса, костра, лю-дей, завернутых в шкуры. И белые здания на холмах казались чем-то чуждым, зловещим – оплотом языческих богов, владеющих землей. Наверно, в этом и заключалось чудо Приобщения, о котором вчера говорили.

Колян отвернулся – и признаки цивилизации тут же ушли из памяти. Просто испарились, как что-то второстепенное, не заслуживающее внимания.

– Ну, побежали, – сказал отдохнувший Гоша.

Они спрыгнули с уступа и снова углубились в лес. Не прошло и десяти минут, как неподалеку послышались крики и треск ломаемых веток.

– Дичь! – заорал Гоша и первым устремился в чащу.

Через минуту лес вокруг наводнился охотниками. Колян поднажал и вскоре оказался в числе первых. Еще ни разу в жизни он не испытывал таких потрясающих ощущений. Он забыл, что у него есть имя, тело, дом, машина, дубинка, наконец... Он превратился в дух, несущийся среди деревьев, и готов был снести, сломать любое препятствие перед собой.

Силы, казалось, утроились, когда за листвою замелькало большое тело животного. Оно было в панике. Оно отовсюду слышало крики и топот и не знало, куда бежать. И потому двигалось то зигзагами, то кругами. Колян выскочил сбоку из-за кустов, взревел и с размаху ударил животное дубиной по хребту. Оно осело на мгновение, но затем перекатилось по траве и отскочило вбок. Замерло на миг – и помчалось в чащу, прямо навстречу стае охотников.

Крики зазвучали громче. Колян пробежал несколько десятков метров и увидел, что охотники окружили животное и по очереди совали в него свои палки и копья. Сильно ударить никто не решался, опасаясь рогов и копыт отчаявшегося существа. Колян с ходу огрел зверя по голове, и тот упал на колени. Тут же налетели остальные дикари. Добивали все вместе – каждый теперь стремился показать свою силу.

Через несколько минут убитое животное уже тащили на стоянку, где дымились костры и стояли вокруг шалаши. От внимания стаи не ушло, что заполучить добычу во многом помогли ловкость и решительность Коляна, и он с гордостью ловил на себе одобрительные взгляды. Он шагал, окрыленный своей первой победой, поглядывая на животное, привязанное к толстой жерди. Ему не было никакого дела, как оно называется – олень, зубр или, может, даже горный козел. Главное – была еда, а еда – праздник для племени.

Увидев добычу, женщины-дикарки оживились, забегали по деревне, собирая все для приготовления ужина. Появились и сучья для большого костра.

Колян присел под деревом, перевел дух. Невольно обратил внимание, что несколько молодых дикарей тут же устроились неподалеку. Правильно – молодость всегда стремится быть рядом с силой. Колян чувствовал себя бодро. Усталость была приятной, легкой. Хотелось передохнуть – и снова действовать.

– Я смотрю, вы уже начали приобщаться, Николай, – послышался рядом добродушный голос академика.

Крафт сел рядом, с интересом посмотрев в лицо Коляну.

– А че? – пожал тот плечами. – Нормально все.

Он заметил, что сидящая рядом молодежь старается ловить каждое его слово и жест.

– Нормально? – усмехнулся академик. – Что ж, продолжайте в том же духе.

– Чего дальше-то будет?

– Пока ничего, отдыхайте. Сейчас женщины приготовят еду, а вечером начнется праздник.

– Опять праздник? Что на этот раз празднуем, День независимости?

– Если в племени появилось много еды – разве не повод для праздника?

Колян недовольно поморщился:

– Праздник... Только я разыгрался – опять брюхо набивать. Я думал, может, сейчас опять куда-нибудь сбегает...

Крафт задумался.

– А вы и сбегайте, – сдержанно предложил он. – Вот хотя бы через долину. Там стоит другое племя – объявите ему войну.

Колян с недоумением уставился на Крафта.

– Да-да! – воскликнул тот. – Поднимайте этих орлов, – он окинул взглядом рассевшуюся вокруг молодежь, – и устройте налет на чужую деревню. Может, к вечеру еще еды достанете, да и почета в племени вам прибавится.

– Налет? – переспросил Колян. – А надо нам еще этой еды?

– Решайте. Вы же дикарь!

– Ну, не знаю... Если по понятиям, то...

Колян поскреб затылок. Война с соседним племенем была, конечно, не нужна. Но с другой стороны, душа просилась в полет, к новым подвигам. Так рвалась, что рассуждать «по понятиям» не было никакой охоты. Просидеть до вечера под деревом в ожидании жратвы казалось невыносимым.

– А что, можно и сгонять. – Он энергично встал и с призывом посмотрел на молодых дикарей. Те с готовностью поднялись, подбирая свои топоры, палки и копья. – Прямо сейчас и рванем туда, а?

...И вновь охотники неслись через лес. Колян бежал впереди всех и чувствовал себя ястребом, пикирующим на голову жертвы. Этот чудесный полет немного подпортил ему размышления, навеянные разговором с Крафтом.

Колян никак не мог взять в толк: как эти очкарики – академики, учителя, воспитатели, библиотекари – могут получать наслаждение в грязи и дикости первобытного племени? Как могут они возносить человека, не прочитавшего ни одной книжки, но лучше всех умеющего проломить голову другому? Ходила бы лучше эта вся интеллигенция по консерваториям и музеям, так ведь нет – дай им поорать, дубинками помахать, мясо полусырое зубами разорвать. Коляну эти удовольствия нравились, но у него и склад характера другой, никакого сравнения.

Сам он, воспринимая набег на соседей как экзотическое спортивное мероприятие, не был уверен, что нужно обязательно забирать у тех мясо. Ведь и своего достаточно. Академик сказал, что для дикарей это нормально, но неужели дикари обязаны быть такими хапугами?

И тут Коляна словно прошибло холодным потом. Ведь и сам он – такой же хапуга, дикарь, причем не здесь, а там, в реальном мире. И там он брал от жизни все, даже явно лишнее, если только была возможность. И там он выходил на охоту, а когда она была удачной, устраивал череду изнуряющих праздников, вместо того чтобы разумно распорядиться добычей и охотиться дальше.

Коляна не на шутку испугало это открытие. Ведь в человеческом мире он вел себя как дикарь, а в дикарском племени – как цивилизованный человек. Чем это грозило, он пока не знал, но академик и другие уже говорили об опасности смешивать свойства зверя и человека...

«А пошли они все! – со злостью подумал он. – Буду жить как хочу...»

В этот момент стая высыпала из чащобы и резко остановилась. Посреди поляны стояли двое, одетые в козы шкуры. Лица растерянные, бледные. Явно чужаки. От испуга не могут даже бежать.

– Берем! – тихо скомандовал Колян, не думая абсолютно ни о чем, кроме хорошей охоты.

Стая с рычанием бросилась на чужаков. Замелькали палки, топоры. Череду глухих ударов прервала крики ужаса. Через несколько секунд оба чужих лежали в траве, подкрашенной бусинками крови.

– Отлично! – расхохотался Колян. – Вперед! Дальше!

Деревню они заметили издали по дыму костра. Умнее было тихо подобраться, разведать и напасть внезапно, но стаю уже увлекла скорость, и никто не мыслил перебивать это настроение всякими осторожностями.

Со свистом и улюлюканьем стая понеслась по склону холма подобно летящей смерти. Уже было заметно, как между шалашами засуетились, забегали люди. В основном это были женщины, их мужья почти все находились на охоте. Однако в деревне оставалось несколько мужчин, и они приготовились стоять до последнего. Колян вылетел к костру первым, и ему пришлось несколько раз врезать палкой одному из чужаков, прежде чем тот упал на колени, подставив голову для решающего удара. Оборона деревни была жаркой и яростной, хотя защитников оказалось значительно меньше.

Колян видел, что драка несколько затянулась, а из-за этого стремительное великолепие их набега померкло. Ему даже стало неприятно смотреть, какими злобными, озверевшими могут становиться люди. Чего-чего, а драк в его жизни всегда хватало, но совсем других. Если ему и приходилось бить кого-то, то он не превращал это развлечение в тупое вышибание мозгов. Он делал все медленно и с удовольствием, с шуточками, разговорчиками. Чтобы унижить противника, поставить на место, показать, кто он есть на самом деле – дерьмо и слякоть.

Здесь же все происходило быстро и просто. Если противник перед глазами – надо бить, если упал – добивать. Никаких лишних слов, лишь рычание, хрип, ругань. Палкой, камнем, ногой – все сгодится! Одно слово – дикари...

Последнего из защитников деревни добивали всей стаей. Это был огромных размеров дикарь, совершенно лысый. Его молотили и палками, и булыжниками, и совали горящие поленья в лицо. От него, казалось, ничего не осталось, кроме кровавого месива. Но стоило остановиться, как он вновь начинал хрипеть, шевелиться, ползти куда-то, цепляя траву перебитыми пальцами.

Наконец ему благополучно проломили череп, заставив остановиться навсегда. Охотники, не успев отдышаться, принялись хохотать, прыгать на трупах, приветствуя победу. Деревня уже была совершенно пуста – женщины скрылись в лесу. Колян задумался, не нагнать ли их, чтобы взять в плен, но потом решил, что эта традиция из другой, не дикарской эпохи. Охотники бросились шарить по шалашам. Единственной добычей оказалась задняя половина кабана, припрятанная в тени под еловыми ветками.

Впрочем, этого было достаточно. Будь тут хоть десять кабанов – они не перевесили бы радость победы. От избытка этой радости кто-то начал швырять головешками из костра по шалашам, остальные поддержали забаву – и вскоре деревня чужаков пылала, пачкая небо дымом.

– Все, хватит! – крикнул Колян. – Уходим, пока остальные не вернулись.

На обратном пути его вдруг посетило кратковременное отрезвление. «Это сколько же трупов мы сегодня накидали?!» – с ужасом подумал он. Воображение быстро нарисовало, как место бойни обследует следственная группа, а лес прочесывают автоматчики с собаками.

Этими опасениями он поделился с академиком, едва вернувшись к своим.

– Я надеялся, вы отстранитесь от подобных мыслей, Николай, – укоризненно ответил тот. – О чем вы говорите, какая тут может быть милиция? Я не однажды объяснял, что мы дикари.

– Ну, допустим, дикари, – кивнул Колян. – Но трупы же найдут?

– Ну, найдут. И что? Все, что они могут сделать, это нанести нам ответный визит. И правильно сделают, если по совести...

– Как это – визит? – насторожился Колян. – Это что же, они нас бить придут?

– А почему им не прийти? Вы бы разве не пришли? Война между племенами – нормальное состояние.

– Постойте-ка, это и мне могут так же череп пробить?

– Любому из нас могут. А что вас беспокоит?

Колян ошалело захлопал глазами.

– А трупы вы по домам развозите или собакам оставляете? – запинаясь, проговорил он.

– О чем вы, Николай? – воскликнул академик. – Не будет никаких трупов.

– Ага... Значит, закапываете.

Крафт оглядел его внимательным взглядом, потом проговорил:

– Вы так ничего и не поняли... – он вздохнул. – Николай, здесь никто не может убить другого, потому что мы не принадлежим этому миру. Мы лишь временно приобщились к нему. Боже мой, ну неужели вы думаете, что на курортном берегу действительно можно выследить живого лося? Ведь это виртуальный мир!

– Виртуальный? – Колян наморщил лоб, вспоминая, что значит это слово.

– Виртуальный – значит воображаемый. Каждый человек придумывает или выбирает себе такой мир, где может реализовать не востребуемые в реальности качества и чувства. Одни часами напролет торчат перед телевизором, другие посещают хоровой кружок, третьи все вечера убивают за домино во дворе, четвертые портят зрение компьютерными играми. Все они – гости виртуальных миров. Но поймите разницу. Если вы ходите в театральный кружок и на сцене убиваете кого-то на дуэли, вы должны на девяносто девять процентов его ненавидеть, чтобы сыграть хорошо. Но это не значит, что вам нужно проткнуть его шпагой. Если вы сидите за карточным столом, вы должны быть безжалостны к сопернику, но не станете же вы избивать его?

– Ну, это когда как... – рассудил Колян между делом.

– Мы, в отличие от драмкружка, – продолжал Крафт, – приобщаемся полностью. На сто процентов. Мы умеем забывать, что позади остался лагерь с нашими машинами, транзисторами и сумками-холодильниками. Стоит только уйти от этого по-настоящему, и мир цивилизации исчезнет для вас. Вы просто перестанете его видеть. Одни умеют делать это хорошо, а вот вы – пока еще плохо, и вам мерещится милиция, которой здесь нет и быть не может. Но вам помогут другие. Если девять человек уверены, что коровы летают, то десятый на всякий случай прикрывает темя рукой, верно? Вот в чем секрет коллективного ухода от реальности. Еще пара дней – и вы научитесь уходить так же, как все прочие. Вы забудете даже слова из прежнего мира и станете выражаться простыми понятиями. Но только не сопротивляйтесь этому.

– Ага... – скумекал Колян. – Гипноз, значит.

– Вообще-то нет. Да и не важно, как это называется. Важно играть по выбранным правилам. Успокойтесь, у диких племен нет милиции. Есть только ваше собственное суждение о своих поступках. Вы сами как считаете, правильно было разорить чужую деревню?

– Ну... – проговорил Колян и запнулся.

– Смелее! С точки зрения дикаря, ну?

– Дикаря? Нормально, думаю, сделали. Кто их знает, что у них на уме было, у чужих... – Колян выражался все увереннее. – И потом, они нашего лося могли спугнуть.

– Вот! Если дикарь что-то сделал, то это правильно! Он, конечно, может ошибаться, но он не нарушит законов собственной внутренней природы, как сделал бы в этих условиях цивилизованный человек. Вы понимаете?

– Н...да, – неуверенно кивнул Колян.

– С вами еще работать и работать, Николай. Ну, ничего. Времени у нас достаточно.

С этими словами Крафт поднялся и отправился к своему шалашу. Колян смотрел ему вслед и силился убедить себя, что бил людей дубиной под гипнозом, а не по-настоящему.

* * *

И вновь была ночь, полная огня, плясок и необъяснимого счастья. Насколько тяжела и полна лишений повседневная жизнь дикарей, настолько веселы их праздники. Счастье всего живого всегда в равновесии с горестями.

На этот раз был не только танец у костра, но и незатейливые ритуальные игры, живо напомнившие Коляну его детство в пионерских лагерях. Простые невинные развлечения, которые в те времена почему-то увлекали без разбора и отличников, и хулиганов. Дикарские игры были, правда, немного грубее. В них больше требовалось быстроты, силы, но меньше сообразительности и гибкости.

Колян и теперь не уступал остальным. И часто, схватив первым соломенный шар или бросив дальше всех камень, он искал глазами ту черноволосую девчонку, которая танцевала с ним рядом в первую ночь в племени. Иногда она отвечала ему взглядом, иногда улыбалась и хлопала в ладоши вместе со всеми, но что у нее на уме, Колян пока не мог разобрать. Он томился и ждал чего-то большего.

Случайно оказавшись рядом, он схватил ее за руку и притянул к себе.

– Как тебя зовут?

Девушка мягко высвободилась, затем непонятно улыбнулась и смешалась с пляшущими в круге женщинами. Колян ощутил, как кипит его мужская кровь.

Настал момент, когда он присел отдохнуть и прожевать кусок жареного мяса, отвоеванного в последней игре. Одновременно на другом краю поляны начали происходить неясные приготовления. Мужчины и женщины расчищали траву от сучьев и складывали круг из больших охапок сухой травы и еловых веток. Можно было подумать, что там готовится цирковая арена.

Колян подозревал Гошу.

– Что они задумали?

– Сейчас будет турнир – бои за женщин, – сообщил Гоша, сияя непонятной радостью.

– Это как? – удивленно шевельнул бровями Колян.

– Как и полагается. Мужчины будут драться, женщины – ждать. Самые красивые достанутся самым сильным. Простейшее правило эволюции – слияние красоты и силы рождает совершенство.

– Я тоже могу драться за женщину? – настороженно поинтересовался Колян.

– Все могут, – широко улыбнулся Гоша. – И я буду драться. Вон за ту, видишь? – он повел взглядом на приземистую девушку с непомерно широкими плечами. – А ты за кого хочешь?

Колян нашел черноволосую незнакомку.

– Вон за ту, – сказал он. – Это можно?

Гоша вдруг стал серьезным.

– Да... Можно, но... – Он оценивающе оглядел Коляна. – Но за нее придется вон с тем парнем поспорить.

Колян увидел небольшого, но жилистого дикаря с рыжей бородкой, который стоял недалеко от арены и поигрывал дубиной. Ничего пугающего в его облике Колян не отметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.